

Майкл Скотт Розн

ПОЛУДЕННЫЕ
БРАТА

Спираль или Хроники Стивена Фишера

Майкл РОЭН

Полуденные врата

1992

Роэн М. С.

Полуденные врата / М. С. Роэн — 1992 — (Спираль или Хроники Стивена Фишера)

Приключения английского джентльмена Стивена Фишера продолжаются. Джунгли Бали и притоны Бангкока раскрывают ему свои объятия. Запад и Восток сходятся, а такие встречи носят, как правило, запоминающийся характер. Мир высоких технологий противостоит темным силам древних балийских культов. Вдобавок время ведет себя весьма неординарным образом... «Полуденные врата» – это яркий образец литературного направления, в котором сочетаются традиции классического романа, магического реализма, *fantasy* и триллера.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Майкл Скотт РОЭН

ПОЛУДЕННЫЕ ВРАТА

*Меж утром лазурным и мраком багровым,
Меж смертью минутной и вечной мечтой,
Свой слух затворив для победного грома,
Стоит на горящем мосту часовой. ¹*

Флэкер. Огненный мост.

ГЛАВА 1

Я так разозлился, что не стал дожидаться скрипучего лифта, а, стуча башмаками, бросился вниз по пыльной лестнице и даже обогнал Дейва. Не обращая внимания на тихие приветствия дежурной, я прошествовал через вестибюль и тотчас оказался на залитом солнцем тротуаре, не успев даже набрать воздуха в легкие. Это было не слишком остроумно. Молва приписывает здешней атмосфере наименьшее содержание кислорода по сравнению с любой другой точкой земного шара, и после прохладных, снабженных кондиционерами помещений судходной конторы солнце било в лицо с неистовством металлического гонга. Меня оглушил городской шум – рычали и глухо кашляли автобусы, повизгивали маленькие рикши-такси, называемые *tuk-tuk*, громыхали мопеды. Тысячи резких запахов зашекетали мне ноздри: дым, выхлопные газы, пот и прочие свидетельства работы человека и его организма. На этой улице они ощущались особенно сильно – судходная контора располагалась в районе с низкой арендной платой, недалеко от тянувшихся вдоль реки верфей. Контора была затрапезным заведением, которое, будь все нормально, лезло бы из кожи вон, лишь бы заключить контракт с нами – агентством с мировым именем.

Будь все нормально.

Меня буквально трясло от бешенства и негодования. И тошнило от их конторы! Хотелось только одного: скорей убраться подальше – подальше от этой жары, вони и несговорчивости. Я повернулся и врезался в текущую навстречу толпу. Море голов, и все едва достают мне до плеча. Я с трудом поборол желание броситься в плывь. Но, невзирая на толкотню, сумятицу, трубные звуки пластмассовых инструментов неизбежных уличных музыкантов-японцев, толпа тут была гораздо спокойнее, чем в Гонконге – не оглушала бесконечная болтовня, – и приветливее, чем на Западе, где непременно наткнешься на ругань. Вообще, здешний народ отличается вежливостью и спокойными манерами, только вопли детей и рев рок-групп соперничают с шумом транспорта. Правда, я то и дело ощущал прикосновение гибких пальцев, обшаривавших мою куртку, и радовался, что догадался спрятать всё во внутренние карманы, закрывающиеся на молнии. Но скорей всего это было характерно только для здешнего района. Постепенно толпа стала редеть, и меня догнал Дейв.

– Ну что ж! – угрюмо сказал я. – Все именно так, как ты мне и говорил! Можно податься ещё куда-нибудь? Или это предел?

– Податься больше некуда, – так же угрюмо ответил он. – Пойми, я просто хотел, чтобы ты увидел всё своими глазами, ясно? Я в этом деле новичок, и мне не улыбалось, чтобы ты – именно ты – считал, будто я не сумел справиться с заданием. Ведь с тобой идти в ногу трудновато! Тем более что отчёт я должен давать тебе!

Я упорно шагал дальше, от злости даже не оценив комплимента. Гневно попирать ногами тротуар доставляло мне удовлетворение.

– Черт побери, Дейв! Но это же самая обычная сделка! Простая консигнационная отправка товара в Индонезию! Только и всего!

– Вот именно! Такая простая, что никто и не хочет ею заниматься.

– Господи помилуй! Но почему?

Мы отскочили, спасаясь от грязных брызг, летящих из-под колес стаи мопедов. Затем снова врезались в толпу, чтобы под её защитой перейти улицу.

Так почему все они против? Все – и крутые дельцы, и мелкая сошка – решительно все здешние тупоголовые подонки! По морю, по суше, по воздуху – неважно как, но мы ухитрились сюда добраться и вот уперлись в эту идиотскую стену!

Я сверлил глазами Дейва.

– Уж чего мы только не делали, чтобы оказаться здесь! Так как же тебе удалось за неделю потерять все, чего мы достигли?

– Ты несправедлив, – тихо сказал Дейв. Щелкнув зажигалкой с золотым колпачком, он закурил сигарету, прикрыв её темными пальцами, потом аккуратно спрятал зажигалку во внутренний карман и застегнул его. Это свидетельствовало о том, что о здешних нравах он знает не понаслышке.

– Послушай, я уже сколько времени занимаюсь рассылкой грузов по всему Востоку, и не возникало никаких проблем. Ты мог в этом убедиться, если просматривал мои отчёты за месяц. Все контракты без сучка без задоринки. Ни разу никаких осложнений. Но здесь! И дело то ведь плёвое – ты сам это говоришь. С чего же все они так упёрлись? Мы же не играем в темную, а? Не оружие у нас, верно? Не наркотики?

– Опомнись, Дейв! Ты сам прекрасно знаешь, я на такое никогда... – Я осекся и овладел собой. – Слушай, извини, ладно? Конечно, мне известно, что ты отлично справляешься с делом и работаешь ничуть не хуже меня. Потому-то я и не понимаю, как ты умудрился не справиться с этой плёвой, как ты её назвал, сделкой! Не справился, даже когда сам сюда прилетел. Этого я никак не мог понять – вот поэтому я и здесь.

– Ну да! И тоже не справляешься! Так что, может, вообще лучше плюнуть на эту затею? На самом деле – неужели это такой уж важный контракт, чтобы сам заместитель директора примчался расхлебывать кашу?

– Ну...

– Да брось! Не забудь, я же работаю под твоим началом. Отчего ты так заинтересовался именно этой сделкой? Такое впечатление, что ты в ней лично заинтересован...

Я пожал плечами и глубже засунул руки в карманы своего лёгкого шелкового костюма.

– Слушай, в этой сделке нет ничего такого – ничего особенного, понимаешь? Просто я оказываю любезность одному из моих друзей-политиков. Он уговорил меня поддержать Доброе Начинание. Знаешь, приходится время от времени взваливать на себя чужое бремя, чтобы остаться у друзей на хорошем счету. Если всё лопнет, буду краснеть. Для пиара это плохо. Вот и всё.

Наступило молчание. Но молчали только мы, рев делового Бангкока, этого цементного комка, брошенного в брюхо Азии, тут же заполнил брешь.

– Слушай, Стив, мы ведь с тобой друг друга насквозь видим, – вернулся Дейв к своей обычной, якобы простецкой, манере. Отвернувшись, он небрежно выпустил струйку дыма. – Так что брось мне вкручивать. Я же тебя знаю, по крайней мере по работе. Знаю, сколько ты будешь возиться с каким клиентом – при обычных обстоятельствах. И как часто выходишь из себя, тоже знаю, – нечасто! Нет, ты сейчас так *бьёшься*, чтобы сделка не сорвалась, вовсе не из-за твоих дружков-политиков, не заливай! Из-за чего-то, что важно для тебя самого. То-то ты и увиливаешь от ответа, и злишься – это на тебя похоже. – Он пожал плечами. – Да не волнуйся! Мне даже приятно, что ты способен забыть, будто состоишь из колесиков, часового механизма и криогенных чипов, и готов порой причислить себя к роду человеческому. Тебе это идет.

Как не раз бывало в разговорах с Дейвом, я слегка опешил.

– Ну знаешь... Что ты несёшь? Прямо какого-то филантропа из меня делаешь.

– Именно. Как бы мне не подпортить тебе репутацию.

– Спасибо. Я хочу сказать, что эта сделка прямо упала мне в руки! Между прочим – в сортире Ротари-клуба. Один человек предложил нам оказать помощь некоему начинанию, с которым кто-то там связан – знакомые чьих-то знакомых, знаешь, как это бывает. Ну, я немного разобрался в этом проекте, и он меня увлек, что ли. С Барри мы пришли к согласию – как раз наш профиль, дело проще простого, все детали можно обсудить за чаем, в десять минут. Почему бы не взяться? Ну и плата, конечно. Так что мы ничего не теряем.

– Ага, и ты сразу послал менеджера по заключению контрактов за тридевять земель на реактивном самолете, а затем и сам помчался следом. Знаешь, друг, у тебя ни стыда ни совести. Да не беспокойся, никому я твоей тайны не выдам, если, конечно, ты соизволишь выдать её мне.

Я был в нерешительности. Не потому, что не хотел откровенничать с Дейвом, нет. Но он задал вопрос, который я сам беспрестанно задавал себе последние дни. Почему этот проект меня так интересует? Не просто же потому, что в основе его доброе дело. Такими добрыми намерениями вымощено каждое начинание, но всегда очень скоро приходится забывать про добросердечность. Если бы мы руководствовались лишь благородными соображениями, то уже через месяц стали бы банкротами. Так почему же именно этот проект увлек меня? Я не находил ответа на этот вопрос, разве что, как я подозревал, тут крылась причина, в которой я не хотел признаться даже самому себе.

Внезапно мне пришлось замедлить яростный темп ходьбы. Даже с закрытыми глазами я непременно остановился бы перед стеной зловония, выросшей перед нами, – зловония куда более мощного, чем если бы все здешние городские запахи соединили в один. Дейв сморщил нос.

– Фу! Стоит миновать этот перекресток, и, похоже, мы окажемся по уши в...

Улица упиралась в один из узковатых *klongs*², знаменитых уличных каналов Бангкока, служащих для бедного люда всем – и местом жительства, и средством сообщения, и водопроводом, и канализацией, причем не обязательно в перечисленном порядке. По каналу, чавкая, тащилось туристское суденышко, переполненное экскурсантами, снимавшими не слишком стеснительных обитателей хибарок, выстроенных на его берегу. К чести местных жителей надо отметить, что им не приходило в голову всем вместе наброситься на туристов-фотографов и пустить их ко дну. Напротив, туземцы, улыбаясь, с любопытством наблюдали за этими всеядными любителями достопримечательностей, которые, жужжа камерами, проплывали мимо. Улыбались они и нам, хотя украдкой косились на Дейва: в здешних краях африканцы встречаются редко, да ещё африканцы с оксбриджским выговором и в костюмах из шелка-сырца. Дейв швырнул окурочек в зловонную коричневую воду, и та, жирно чмокнув, поглотила его.

– Экая мерзость! – заметил Дейв.

– Верно, – согласился я. – Но на этой мерзости заиклено все окружающее – и здесь, и где угодно. Вода!

– Ты отваживаешься называть *это* водой?

– Для многих мест и здешняя вода была бы целительной влагой. Да сейчас ей обрадовались бы даже в Калифорнии. Ну а на Бали... Знаешь, на этом острове...

– Который как раз и является пунктом назначения нашего груза. Мне ещё не приходилось бывать в этом тропическом раю. Туда меня не посылали.

– Я и сам там не был. Пока. Но ты-то ведь родился тоже в тропическом раю.

– Считаешь пригороды Кано раем? Ничего себе рай!

² Klong – канал (индонез.). Здесь и далее перевод с голландского и восточных языков С.Дубровского.

– Ну, рай раю рознь. И тропики тоже. Все дело в том, что на Бали почти нет собственной воды – из-за этого и возник наш проект. Бали питается в основном дождевой водой – она стекает с возвышенности в центре острова, и этой воды не так уж много. От её справедливого распределения и зависит, будет на Бали рай или голод. Такое положение длится уже столетия, и туземцы разработали довольно хитрую ирригационную систему, справедливо распределяющую воду. Эта система скроена из множества местных традиций – общественных, религиозных и прочих. Рисовыми плантациями там ведают общества, называемые *subak*, своего рода храмы воды, у них свои сложные законы, и за выполнением их следят не то судьи, не то священники. В известном смысле демократия, и она работает. Пока.

Дейв кивнул.

– У нас в Нигерии кое-где тоже был такой порядок. Но довольно деспотичный. Шаман, или вождь племени, или старейшины собирали под деревом совет и решали дела. Ну а с тех пор, как у нас появились вы, их заменяет окружной чиновник. Звучит более цивилизованно.

– Да. В общем, всё это чертовски сложно. А порядки на Бали меняются, как и всюду в мире.

– Понятно – туристический бум восьмидесятых и девяностых. Звезды рока теперь справляют там свадьбы и всё такое прочее.

– Дело не только в этом. Рост населения требует лучшей гигиены, лучшей медицинской помощи, – словом, как и везде. И потом, количество осадков, черт его знает почему, сокращается – то ли из-за глобального потепления, то ли из-за уменьшения лесов, или ещё по каким-то причинам. В общем, всё меняется к худшему. Система *subak* доживает последние дни – её священники, *klian subaks*³, и сейчас-то с трудом справляются, а скоро и совсем не справятся. Несколько лет назад один американский колледж разработал проект по поддержке острова – решили перевести всю их несчастную систему на персональные компьютеры! Но надо браться за дело основательнее – и скорей! Могу тебе сказать, что их правительство сильно обеспокоено. Острову требуется кардинально новая ирригационная система: заводы по опреснению морской воды, как в странах Персидского залива. А ты представляешь, сколько это стоит! Плюс более эффективный сбор воды, её хранение, распределение – всё это должно контролироваться централизованным компьютерным управлением. Выжать максимум из каждой, капли воды – наша задача!

– Да, от этого и зависит – рай или голод, – задумчиво повторил Дейв. – Ну а как они собираются оплачивать всё это?

– По обычной схеме – возьмут в долг у Всемирного банка, попросят помощи у государств Персидского залива, у Европейского сообщества, да мало ли где ещё? Только после последнего кризиса с деньгами у всех туго, средства на опреснительные заводы уже выделены, но они начнут работать лет ещё через десять. Они собираются обходиться пока нынешней своей системой, а это может привести к восьми-девяти очень трудным кризисным годам, – возможно, даже к голоду. Страдания, детская смертность, гибель окружающей среды и, не дай бог, эпидемии. И уж в любом случае конец туризму, а стало быть, и притоку твердой валюты. Центральное правительство не захочет вкладывать туда деньги. Понимаешь, как будут развиваться события?

– Ещё бы, – угрюмо сказал Дейв. Он сам рос в годы нигерийского голода, на себе испытал все прелести такого состояния. – Ну и кто-нибудь что-нибудь предпринимает?

– Удалось заинтересовать одну из ассоциаций американских колледжей. Они разработали проект, ухитрились привлечь ещё кое-какие частные и общественные средства, – у них хороший пиар. И начали приобретать в США и в Европе самое дорогое оборудование, планировать создание искусственных водоводов и контрольных систем, вербовать рабочих и специалистов. Но средств уже не хватает. Наш проект экологически чист: вкладывать в него большие

³ Служители системы «субак» (индонез.).

деньги нет смысла – высоких прибылей не будет. Он на пользу только жителям острова Бали, и правительство за него горой. Насколько нам известно, ни с какой политикой он не связан. Тем не менее впечатление такое, что мы повсюду натываемся на препятствия.

– Это ты *мне* рассказываешь? – склонил голову набок Дейв.

Я слегка смутился. Ведь я до сих пор был уверен, что мы с этим противодействием справимся.

– Видишь ли, сначала я не придавал этому значения. Мне ведь сказали только одно – что у авторов проекта возникли трудности с отправкой оборудования. Когда я увидел, как они собираются расплачиваться, я понял, откуда взялись эти трудности. Так что мы приосанились, назвали нашу цену, и вот мы здесь.

– Да! Всё равно, что по шею в этом вонючем *klong'e*. Выходит, ты кое-что узнал про эти таинственные препоны?

– Да ни черта! Только то, на что наши здешние друзья и сотрудники – наши обычные сотрудники – намекали, когда отказывали в помощи. И намекали-то потому, что мне они доверяют, а тебя ещё не знают. Какие-то слухи, какое-то пугливое бормотание, ничего определенного. Но каждый из них решительно гробил проект. А тебе ничего не удалось услышать?

Мы уперлись в какие-то лачуги и машинально свернули, стремясь уйти подальше от канала.

– Ну сейчас, когда ты заговорил об этом... – задумался Дейв. – Я подумал, что, может, кое-что и слышал, но тогда с нашим делом не связал. Например, старик Ли Ван Чжи из «Тайваньской звезды» помянул как-то в разговоре, что яванская партизанская война может перекинуться и на Бали. Больше он ничего не добавил.

– Ну а Бунсерб из Тихоокеанской компании сказал больше. Намекнул, что проект могут сорвать террористы. А сам, между прочим, несколько лет назад отправлял грузы в Джакарту и в Сулавеси⁴ в самый разгар беспорядков. Это его не останавливало. Я поизучал, что происходило на Бали – просто-напросто какие-то стычки, ничего похожего на партизанскую войну. Может, их яванские беженцы спровоцировали. Но не в этом же все дело!

Мы шли молча, погрузившись в размышления. В конце концов Дейв остановился и полез за сигаретами.

– Выходит, фирмы, занимающиеся перевозками, просто ищут предлога для отказа. А так как я – представитель проклятого третьего мира, то не могу отказаться от воспитанного во мне недоверия. По-моему, всякое противодействие, да ещё такое всеобщее, носит политический характер. Может быть, какая-нибудь оппозиция...

Меня охватило чувство глубокой безнадежности. Над этим вопросом я без конца бился все последние дни.

– Какая? Бога ради, оппозиция? И кто из них выиграет, застопорив проект? Бали едва ли не самое спокойное место в Индонезии. Мирные жители, красивая природа, прибыльное сельское хозяйство, превосходный серфинг. Вот тебе полный перечень ресурсов острова. Никто никому не угрожает, вторгнуться на него практически невозможно... – Я вздохнул и пнул ногой землю. Тотчас взметнулся фонтан грязи. – Не знаю, Дейв! Ну не схожу же я с ума?

– Разве что мы оба... – Он наконец закурил сигарету и выдохнул облако дорогого дыма. И тут мы оба обнаружили, что тротуара у нас под ногами больше нет.

– Господи! Куда это нас занесло?

Мы огляделись. Как-то незаметно узкие, переполненные народом улочки остались позади, а мы стояли в грязном, глухом и непривычно пустом переулке. Нас окружала странная чересполосица заборов и стен. Ряды подгнивших досок, залатанных бамбуком и ржавой проволокой, примыкали к элегантной старинной каменной стене, испещренной трещинами.

⁴ Сулавеси – о-в Целебес.

Рядом поднималась стена из дешевого желтого кирпича с осыпавшейся светлой штукатуркой. Известка висела хлопьями или, смытая жидкостью, струившейся из проходившей по стене старой трубы, стекала, образуя у подножия вонючие лужи. Из окон, по большей части забитых досками, качаясь как пьяные, спускались железные пожарные лестницы. Прочие окна, будто акулы, пялились на нас остатками грязного битого стекла. В детстве я любил гулять в заброшенных районах, разглядывать такие окна и слушать, как на сильном ветру их стеклянные зубы выстукивают едва слышные звуки, похожие на перезвон сосулек. Время от времени такой стеклянный зуб отрывался и с дребезгом валился вниз в кучу себе подобных, незамеченный оставшимися. Но здесь, в Бангкоке, эти осколки шевелились под мягким бризом, обдававшим нас горячим дыханием, и издавали чуждую моему уху музыку.

Мы обернулись. Позади виднелся сплошной лабиринт переулков, разбегающихся в разные стороны, тонущих в грязи и нечистотах. Поблескивали мерзкие зловонные лужи.

Дейв брезгливо взглянул на свои элегантные ботинки.

– Неужели мы топали по этому безобразию и ничего не замечали?

– Мы, наверное, не там свернули, – ответил я и уверенно обогнул следующий угол. – Сейчас...

Я уперся в стену густого тумана. Именно в стену – туман не стлался, не висел ключьями, перед нами внезапно выросла стена, как бывает в поздний час на ночной автостраде, когда перед тобой неожиданно возникает преграда и ты резко тормозишь, доводя колеса до визга. Только что был клонящийся к вечеру день, и вдруг я врезался в белесый сумрак, где и звуки-то казались другими, и даже зловонные лужи, которые я тщательно обходил, куда-то исчезли. В тумане было жарко, душно и трудно дышать. Даже шаги звучали непривычно.

– Дейв! Ты здесь?

– Хотел бы я знать, где это «здесь»? Но я действительно где-то тут!

– Ты видишь что-нибудь? Что у тебя под ногами?

– Как что? Грязь! Хотя нет! Камни! Наверное, развалины каких-то старых зданий. Черт побери! Вон впереди что-то вроде колонны! Господи! Только что она была здесь – и вдруг исчезла!

– Где ты её видел?

Не успев получить ответ, Дейв врезался в меня. Затем, уже вдвоем, мы налетели на эту колонну. В спину мне впился какой-то торчащий камень. Здесь туман был немного реже, и, опустив глаза, я увидел, что стою на неровных серых каменных плитах, покрытых трещинами и мхом. На плитах виднелся рисунок, напоминающий гирлянды из листьев. Я посмотрел вверх. Сквозь туман маячили другие колонны – высокие, сужающиеся кверху, казалось, они стоят просто так, ничего, кроме клубов тумана, не поддерживая. Я хотел было что-то сказать, но Дейв схватил меня за руку. Мог и не предупредить: между двумя колоннами зашевелилась ещё одна тень – чуть намеченная, изменчивая. Я не сразу различил, что у неё очертания человека, – тень слегка повернулась туда, сюда, вытянулась, будто во что-то вглядываясь. Вдруг она двинулась, похоже, в нашу сторону, и я замер, сдерживая дыхание, отчаянно надеясь, что неведомое существо нас не заметит. Но тень в конце концов ускользнула обратно в туман.

Ничего не случилось, но появление этой тени оставило неприятный осадок. Отвратительное ощущение, что нас преследуют, обволокло, словно холодный липкий лишай. Такое необъяснимое, сковывавшее всего меня напряжение я уже вроде бы испытывал, но где? Я посмотрел на Дейва. Кожа у него стала сероватой, будто туман проник и под нее.

– Уходим! – одними губами выговорил я.

Он лихорадочно закивал.

Очень медленно, тихо, крепко держась друг за друга, мы обогнули колонну. За ней высились новые ряды колонн, а ведь когда мы сюда шли, их не было, следовательно, мы свернули неверно. Если здесь применимы нормальные рассуждения...

Почему вдруг я так подумал? Когда и где такие рассуждения были бы неприменимы?

В памяти шевельнулось что-то неясное, как тень в тумане. Что-то, от чего я до сих пор просыпаюсь перед рассветом в холодном поту. Просыпаюсь в смятении, раздираемый противоречивыми чувствами, словно крутюсь в искрящемся колесе. Последние годы это случается реже, но однажды, не так давно, когда я, задыхаясь, сел в постели, девушка, с которой я проводил ночь, приложила к моей щеке руку и удивленно воскликнула:

– Да ты весь в поту! У тебя жар?

Ну с чего эта безмозглая дуручка так поразилась?

– Стив, никак ты плакал?

Будь это несколькими годами раньше, я бы просто выставил её за дверь, да и тогда такое искушение у меня возникло. Но острее всего я испытал чувство потери. Только непонятно какой? Потери чего-то определенного, потери, с которой я не мог смириться, потери чего-то, что я не хотел уточнять. Моя квартира, огромная, похожая на сарай, тонула в темноте, но в гостиной, под галереей, что служила мне спальней, я заметил какое-то свечение, свет будто висел в пустоте. Я вылез из постели и прошлепал по ступеням мимо разбросанной (что не говорило в пользу её обладательницы) одежды моей девицы. Оказалось, что это всего-навсего луна освещает каминную полку из серого портлендского мрамора и висящий над ней старинный меч. Дизайнер просто рыдал, глядя на него, настолько меч не вписывался в созданный по его постмодернистскому вкусу интерьер. Большинство моих гостей было на стороне творца интерьеров, но я расставаться с мечом не желал. Я коснулся совершенного по форме и холодного, как застывшая вода, клинка. Я порывисто прижался к нему горячим лбом, и смятение, казалось, стихло. Потом я приготовил коктейли и понес их в спальню. У девицы хватило ума не приставать ко мне с расспросами, так что до восхода солнца мы провели время с приятностью. Но ощущение чего-то мрачного после того смутного сна не оставляло меня. И сейчас я каким-то образом понял, как бывает с давно забытым запахом или вкусом, что все происходящее здесь надвинулось на нас из того темного сна.

Обнаружив колонны, мы поспешно повернули назад, пугливо озираясь по сторонам, ибо каждый шорох в тумане звучал угрожающе. Мы завернули за угол, надеясь, что возвращаемся...

И вдруг нас залил свет, словно его неожиданно кто-то включил, вокруг опять было тепло и светло, та же самая липкая грязь под ногами, та же многослойная вонь. После бесформенной пустоты, в которой нам только что довелось побывать, мы чуть ли не обрадовались этому. Во всяком случае, грязные стены здесь были устойчивы и неподвижны.

– Слава Богу! Тот самый закоулок! – Дейв с облегчением улыбнулся. – Давай скорей отсюда!

Но когда мы обернулись, оказалось, что улица теперь отнюдь не безлюдна. Ещё мгновение назад я бы обрадовался кому угодно, но *эти*...

По сравнению со мной и даже с Дейвом они были не велики ростом, но их набежала целая толпа. Все были явно местные, но странно неопределенных национальностей, лица цвета светлой бронзы напоминали ослабленные маски, и, вероятно, даже родные матери не дерзнули бы назвать их славными: сломанные носы, шрамы, рты, в которых виднелось всего по несколько зубов, похожих на старые могильные плиты. И все они были в допотопных синих мешковатых робах, перехваченных черными поясами, что неприятно напоминало военную форму, хотя сами они казались грязными и оборванными. На некую военизированность намекали и длинные ножи с волнистыми лезвиями в их руках. Выразительно и угрожающе размахивая ими, они медленно надвигались на нас, злорадно покачивая головами. Так же молча мы с Дейвом стали пятиться. Я видел, как покрылось каплями пота его лицо, чувствовал, что пот стекает мне за воротник. Нападавшие безжалостно, ровной поступью приближались, тесня нас к страшному углу.

– Неужели ты не можешь что-нибудь сделать? – прошипел, не разжимая губ, Дейв.

– Я?

– Ты же общепризнанный стратег! С секьюрити сколько каши съел, всё же только и говорят, какой ты отважный боец...

– Да был бы у меня хоть несчастный пистолет для игры в пейнтбол! Так ведь даже такого нет!

– Возьми мою зажигалку! Они решат...

– Не думаю, что её огонек смутит этих мальчуганов! Нам бы сейчас хороший пулемет!

Но даже когда я произносил эти слова, перед моими глазами маячил никак не пулемет, а мой меч! Вот он бы мне пригодился! Ведь однажды я им уже пользовался. Но где? Когда? Где я вообще подобрал эту штуковину? Где, как, когда? Где-то в районе старых доков? Лет восемь назад...

В доках!

Летом во время шторма я увидел, как взмывает над береговой стенкой в порту высоченная волна. Казалось, она состоит сплошь из брызг, но волна с грохотом обрушилась на набережную, где было множество лавок, магазинчиков, припаркованных машин, и когда водяное полотнище потянулось назад, там, откуда оно отступило, остались сумбур и хаос. Так и в моей голове смерчем пронесли воспоминания, путанные и неясные воспоминания о морских боях и чувстве нестерпимого ужаса, о звездах, несущихся облаках и парусах, об океане и пожаре, о звоне клинков, о неведомой, светящейся изнутри женщине с волосами, клубящимися словно дым. О том, как однажды на темнеющем поле в мою ладонь по-собачьи ткнулась рукоятка меча. Всё это когда-то было. Невероятно, непостижимо, но было! Уверенность, что я это пережил, проникла в меня с твердостью и яркостью алмаза. А из этой уверенности, точно запоздавший росток, засветилась догадка, что делать сейчас...

С леденящим кровью воплем вожак стаи подпрыгнул, взмахнув ножом, нацеленным мне в горло. Чтобы испугаться, требуется время – у меня его не было. Я инстинктивно вскинул руку в тщетной попытке защититься, но испытывал при этом только гнев, яростный гнев, потому что мне, как назло, помешали в то самое мгновение, когда я вдруг понял, что надо делать. Вспыхнуло темное пламя. Быть убитым, уничтоженным именно сейчас – этого допустить нельзя! И словно водоворот, меня подхватило всепоглощающее стремление отразить атаку.

От нехватки кислорода в голове зашумело, глаза застлал красный мрак, а потом все почернело. Крохотная светлая точка вспыхнула в этой черноте где-то далеко-далеко, блеснула на фоне крутящегося тумана и стала медленно поворачиваться, словно тяжелое колесо. Вспышки света на спицах этого колеса больно били по глазам под закрытыми веками, свет становился все ближе, все ярче, все резче... Вдруг мои веки распахнулись. Время будто остановилось. Бандит все ещё, ощерившись, нависал надо мной. Нож уже опускался, но тут в мою раскрытую ладонь что-то с силой впечаталось.

От удара мои пальцы сжали упавший в руку предмет и крепко в него вцепились. Нож бандита, звякнув, ударился о мощный клинок, который я прижимал к груди. Лезвие скользнуло по стали и уперлось в рукоятку. Я с такой яростной силой повернул свой клинок, что выбил нож из руки нападавшего, а сам он, не удержавшись на ногах, рухнул лицом в грязь. Нож отлетел в сторону. Я взревел, ринулся на упавшего, наступил ему на спину и едва успел вонзить в неё клинок, как надо мной нависла сплюснутая рожа следующего бандита. Он тоже упал в грязь, подняв фонтан брызг. Я выдернул клинок и прыгнул вперед, расчищая себе дорогу круговыми взмахами меча. Бандиты отступали и пятились до тех пор, пока не уперлись в дальний конец тупика. Тогда я с воинственным воплем наскочил на них и одним бешеным взмахом меча разметал в разные стороны.

– Дейв!

– Да!

– Беги и не оглядывайся!

Он так и поступил, правда бросив взгляд назад, чтобы убедиться, что я рядом.

Но я довольно скоро отстал от него. Дейв был моложе и легче; если бы не животный страх, я бы и сразу не смог за ним угнаться. Впрочем, и ему страх придал прыти. И конечно, от страха мы и думать забыли, куда бежим. Нас устроил бы любой закоулок, только бы в нем не было тумана и притаившихся бандитов. И не меньший страх внушал мне меч, неведомо откуда появившийся у меня, и кровожадные, не менее убийственные, чем меч, мысли, бурлящие в моей голове. Мысли, которые я в последние годы довольно ловко научился прогонять прочь, но всё же не смог, а может, и побоялся совсем позабыть. Когда я в последний раз был в «Иллирийской таверне»? Три года назад? Или четыре?

Чихая и задыхаясь в едкой духоте, я завернул ещё за один угол и чуть не налетел на Дейва, который вдруг остановился как громом пораженный. Перед нами была мрачная дыра – здесь сходились две боковые улочки, и шаткие строения склонялись над пенившейся ямой с нечистотами, края черепичных крыш почти соприкасались, будто стараясь спрятать от неба свой позор. Под образованной ими аркой в тропических знойных сумерках клубились тени, они были чернее наступающей ночи. Среди этих теней над нашими головами что-то шевельнулось.

Это была маска, одна из тех, которые используют по всему Востоку во время праздничных шествий, – жуткая звериная морда, треугольная, длиннозубая, прототипом ей, вероятно, послужил ночной охотник – пучеглазый тигр. Окраска маски была более естественной, чем принято в восточном искусстве: вместо кричащих красных и желтых полос – сочные полутона от ржаво-осенних до зеленых оттенков листвы; блестели клыки из слоновой кости, а между ними свисал малиновый язык. Вокруг раззявленной пасти сверкали позолоченные узоры, а гладкая грива отливала серебром. Зрелище было удивительное, и я не мог понять, как такое редкостное произведение искусства могло оказаться в этом забытом богом квартале.

Вдруг вытаращенные глаза сузились, изо рта закапала слюна, и малиновый язык подобрал её с желтоватых львиных клыков. Голова чудовища угрожающе качнулась, позолота зашуршала и зазвякала. Раздалось тихое рычание, как будто совершенно не связанное с телесной оболочкой и от этого ещё более устрашающее. Для нас с Дейвом, только что избежавших объятий тумана и спасшихся от головорезов, это было уже чересчур. Мы оба завопили благим матом и пустились со всех ног. Меня занесло в маленькую улочку слева, под ногами чавкали помои и кое-что похуже, потом я свернул за угол и наткнулся на ящики с пустыми бутылками и какие-то безобразные картонные коробки. Передо мной возвышалась старая бетонная стена, глухая и гладкая. В ней была только одна дверь, обитая оцинкованной, изъеденной дождями жестью, покрытая царапинами и вмятинами, но ещё очень, очень прочная.

Я нажал на дверную ручку, она легко повернулась, но дверь не открылась. Я забарабанил по ней кулаками, жесть загнулась, но ничего не последовало.

– Бесполезно, Дейв... – задыхаясь, произнес я, но ещё когда говорил это, даже не оглянувшись, догадался, что Дейва рядом нет. Улица за мной была пуста; пуста и тиха, слышалось только мое натужное дыхание. Но пока я вслушивался, я различил сзади чьи-то мягкие, легкие шаги, осторожно крадущиеся по застывшей грязи. Я уже хотел подать голос, когда что-то в звуке этих шагов меня остановило. Я стиснул зубы, пот струйкой пробежал по спине. Кто бы там ни крался, он крался на четырех ногах. Я снова отчаянно заколотил в дверь, начал пинать её ногами, да так, что на обивке оставались следы, а рукояткой меча лупил по бетонной стене. Хорошо, хоть меч был при мне. Дейв, видно, бросился в другую сторону, и он вне опасности. Понадеявшись, что эта нечисть последовала за мной, я медленно повернулся навстречу опасности и прижался спиной к негостеприимной двери.

Внезапно дверь, открывавшаяся наружу, распахнулась, да так, что я едва устоял на ногах. Кто-то схватил мою взметнувшуюся руку и потащил к себе. Беспомощный, я ввалился внутрь, в темноту, и дверь за мной с грохотом захлопнулась.

Я оперся о неё спиной, тяжело дыша в потемках. Послышался звук поворачиваемого ключа, громко щелкнули засовы – верхний и нижний, потом наступила тишина. Я прислушивался и ждал, что в оцинкованную дверь последует толчок или загадочное царапанье. Но все было тихо. Вдруг длинные ногти проехали по моей руке, я вздрогнул, но пальцы были явно женскими, и они потянули меня прочь от двери. Я очутился в непроглядно темном коридоре, теплый воздух в нем хранил тяжелый сладковатый аромат духов, а под ногами угадывались мягкие соломенные циновки. Впереди узкие светлые щели обрисовывали приоткрытую дверь, и рука, сжимавшая мою, влекла меня туда. Блеснуло тонкое запястье, дверь отошла в сторону. На фоне слабого розового света возник стройный силуэт, и меня молча втащили в комнату.

Дверь тихо закрылась, и над ней, прошелестев, спустился занавес из бусин. А комната...

Я взгляделся. Комната была с низким потолком, бедная, чересчур пестро украшенная, как дешевый китайский ресторан, с пластмассовой покрытой лаком «лепниной» и отстающими от стен бамбуковыми обоями. Правда, такую «лепнину», равно как и картины, что тут висели, ни в один приличный китайский ресторан не допустили бы – это было очевидно. Тяжелые благовония заглушали слабый зверушечий запах, смешанный с мускусным запахом гниения.

– Здесь ты в безопасности, – проговорил тихий голос. – Можешь не бояться никаких преследователей. Не хочешь ли присесть и отдохнуть?

Всё это было произнесено на превосходном английском, с чуть заметным оттенком восточного стаккато. Я повернулся, но то, что я хотел сказать в ответ, замерло у меня на губах. Она оказалась поразительно хороша собой, но этого было мало. Вероятно, она прочла по губам имя, которое я чуть было не выговорил, – сделав странно витиеватый, вежливый жест рукой, она поклонилась мне в пояс. От этого я и вовсе лишился дара речи. На секунду мне показалось, что я вызвал к жизни часть прошлого, словно нежный призрак моих студенческих дней явился выручить меня из беды.

Нежное восточное лицо. Нежное, но властное, правда, цвет кожи был светло-медовый, как у загорелых европейцев, а грива волос, обрамляющих это лицо, – светло-пепельная и ровная от корней до кончиков, того удивительного оттенка, который ясно говорил, что краска тут ни при чем. Даже сильные гибкие плечи и мягкие округлости под накидкой из батика свидетельствовали о странном смешении восточных и западных черт – они были необычны, прекрасны и влекущи. Словно передо мной снова стояла девушка, которую я когда-то знал, почти сумел полюбить и давно бросил по причинам, признать которые не желал даже сейчас. Девушка, чье имя (а может, это была лишь однофамилица) сразу бросилось мне в глаза в списках участников «проекта, связанного с островом Бали». Оно-то ведь и втянуло меня в это безумное предприятие.

Но хотя у меня в голове не укладывалось, что кто-то может до такой степени походить на нее, – всё же это была не Джеки. Но девушка, похожая на неё до того, что совершенно потрясла меня, отбросила назад, в прошлое – на сколько? – лет на пятнадцать, шестнадцать, растревожила во мне кровь, затруднила дыхание, сковала горло. Будоражащая, влекущая – и всё-таки не Джеки. У этой лицо было чуть смуглее, черты мельче, четче, китайского в них было меньше, европейского почти ничего. Но и к тайской народности отнести её было трудно. В её ласковых глазах светился острый ум, однако когда она поклонилась, под одеянием, которое её покрывало или, скорее, открывало, я увидел, что на ней черное бикини, бывшее униформой для всех девушек, обслуживающих бары Бангкока. Она повторила свое приглашение, и я наконец обрел голос:

– Очень вам благодарен. Очень любезно с вашей стороны. – Мой ответ казался напыщенным и нелепым. – Ведь вы меня спасли. За нами гнались какие-то... головорезы с ножами, а потом...

Что было потом, я не мог ей объяснить, так как и сам не понимал, что это было.

Она ласковым жестом остановила меня.

– Я рада. На этих улицах, случается, находят убитых. Я рада, что сумела тебе помочь. Может быть, всё-таки присядешь? Что будешь пить? Виски?

Только тут я заметил, как дрожат у меня ноги. Я прислонил меч к стене, она на него даже не взглянула.

– Виски? Спасибо! Выпью с удовольствием.

Она улыбнулась и, держа меня за руку, подвела к старенькой тростниковой кушетке, над которой висела картина в якобы золоченой раме. Светящимися красками на черном бархате была изображена альковная сцена. Картина являла собой типичную имитацию классического китайского искусства – эротическая иллюстрация в духе династии Мин, но обнаженным фигурам были приданы сугубо современные, даже западные, черты, и выписаны они были очень тщательно. Мужчина и три женщины застыли в таком немыслимом переплетении рук, ног, голов и бедер, что оно казалось вряд ли осуществимым, не говоря уже о том, что едва ли могло быть приятным.

подавая мне двойную порцию желтоватой жидкости, девушка поймала мой взгляд и сдержанно улыбнулась. Я отпил из стакана и удивился – это был настоящий солодовый напиток, а совсем не «Chivas», принятый в подобных местах.

– Чудесно! – благодарно выдохнул я.

Девушка снова улыбнулась и села рядом со мной, вытянув ноги, отчего полы халата упали с них. Она посмотрела на меня выжидательно.

– Э-э... между прочим, меня зовут Стив. Стив Фишер.

– А меня Рангда. – Когда она произносила последний слог, её белоснежные зубы очаровательно блеснули, а губы снова изогнулись в улыбке.

Я внимательно посмотрел на нее.

– Красивое имя и идет тебе. Но оно ведь не тайское, верно?

– Нет. – Она опустила глаза.

Настала моя очередь ждать объяснений, но их не последовало. Я уже собрался спросить, откуда у неё такое имя, но она неожиданно рассмеялась, схватила мой стакан и отпила из него. Я понял намек – не лезть с расспросами.

– Можно? – спросила она.

Пока она не начала гладить мои волосы, я не был уверен, на что она просила разрешения. В этих краях голова считается священной, касаться её без спроса нельзя, только с чего бы обыкновенной проститутке быть такой внимательной, да ещё к иностранцу? Нет, она была не так проста. Определить её возраст казалось трудно, и всё же видно было, что она постарше обычных хихикающих девушек-подростков, обслуживающих бары Трех Улиц, хотя в городе – а как правило, это были крестьянки – они выросли быстро.

Я посмотрел кругом, неловко поерзал на грязновато-коричневых вышитых подушках. Они казались слегка засаленными, и мне тут же захотелось сжечь свой костюм, но дело было не в этом: неловкость я испытывал от бушевавших ко мне противоречивых чувств. Я остро ощущал близость девушки, теплоту её кожи, исходящий от неё аромат – томный, как запах орхидей в джунглях, он был гораздо свежее и устойчивей, чем унылый запах, витающий вокруг. Все, что нас окружало, говорило о сексе, но это была вульгарная сексуальность, присущая барам. Девушка же вызывала... несколько иные чувства. Да, от неё веяло сексуальностью, даже доступностью, но это была сексуальность другого рода, и определить её было трудно. Я не знал, что о ней и думать, единственно, как я мог объяснить себе ситуацию, – это что я сижу в комнате обычного борделя и встретил здесь девушку, о которой можно только мечтать. Казалось, она никак не вписывается в эту обстановку.

– Ты, значит... работаешь здесь?

Она саркастически приподняла бровь.

– Когда захочу. – Она снова потянулась, и полы халата разошлись ещё шире. – Я ничем не обязана, хочу – прихожу сюда, хочу – не прихожу: как мне нравится. – Изогнувшись, она поднесла стакан с виски к моим губам. – И выбираю, кого хочу. Не обязательно в интересах дела. – Она произнесла эту сложную фразу с милым кокетством, и мы засмеялись.

Девушка прислонилась лбом к моей голове, и белокурые волосы скользнули по моему плечу, её губы коснулись моего уха.

– А вообще-то, я здесь дома. И ты можешь оставаться здесь сколько захочешь. Нам никто не помешает.

Она поднесла мою руку к поясу халата, секунду её теплый живот трепетал под моими пальцами, потом узел пояса распался, и халат распахнулся. Почти бессознательно я обнял её за талию и притянул к себе. Почти бессознательно, поскольку хотя мое сердце бешено билось, так же бешено работал мой мозг. «Колесики, часовой механизм и криогенные чипы» – как сказал про меня Дейв. Другие говорили ещё хуже, особенно женщины, и, возможно, они были недалеко от истины. Но случилось, этот самый часовой механизм выручал меня, заставлял взглянуть на вещи циничным взором, с настороженностью и недоверием к иллюзиям, которые по большей части были моими собственными. С женщинами у меня обычно не было сложностей, но я прекрасно знал, что неотразимым меня назвать нельзя.

А эта девушка, казалось, хотела убедить меня в обратном. Если ей это было нужно не из-за денег, то из-за чего-то ещё, чего-то она явно от меня хотела, но после пережитых страхов я не был уверен, что смогу соответствовать. Я не терплю, когда кто-нибудь играет на моих чувствах; неважно, секс ли это, деньги, проявление власти или ещё что-нибудь, я не выношу, когда меня хотят прибрать к рукам. А Рангда каким-то образом, несомненно, к этому стремилась.

Вдобавок меня беспокоил Дейв; куда он-то подавался? Может, ему кто-нибудь тоже помог?

– Нет, – прошептал я, так как дышать мне было трудновато, и осторожно отсадил девушку обратно на подушки. – Не сейчас... Мне нельзя задерживаться.

– О, пожалуйста! – выдохнула она, тогда как, будь она обыкновенной девушкой из бара, она начала бы хныкать и называть меня «душкой». – Пожалуйста, останься. Ты мне нужен, я тебя хочу...

Я попробовал осторожно высвободиться.

– Там остался мой друг, ему грозит опасность.

Она кокетливо надулась, изображая нетерпение, и, откинувшись назад, совсем распахнула халат, раздвинула ноги и, стараясь удержать меня, закинула свою ногу на мою. Схватив мою руку, она заскользила ею по гладкому бикини, пока рука не оказалась у неё между ног. Сквозь тонкую ткань я чувствовал все – возбуждающее, ликующее тепло, намек на влагу. Она прижала мою руку к себе и изогнулась. Другой рукой она...

Я проглотил застрявший в горле комок – это был обычный прием проститутки, но в нем ощущалась властность, настоящий призыв к неведомым глубинным чувствам, более мощным, чем любые запреты. Часовой механизм, колесики, чипы... а за ухом у меня, словно издеваясь над ними, отчаянно бился пульс. Я притянул её к себе, сжал в объятиях, стораю от желания и гнева, гнева на то, что мою волю испытывают...

– Нет! – снова прохрипел я и тут же пожалел об этом. – Я тоже хочу тебя! Ты даже не представляешь, как хочу! – «Не представляешь, потому что не знаешь, до чего ты похожа на Джеки», – пронеслось у меня в голове. – Только не сейчас... Понимаешь... я бы... Ты такая красивая, но я не могу. Не должен.

Неожиданно она отпрянула от меня, вскочила так быстро, что я вздрогнул, испугавшись, что она сейчас закатит истерику или вызовет парней из бара. Но она только медленно, без выражения оглядела меня с ног до головы и завернулась в халат.

– Если ты говоришь правду, – выговорила она, – то вернешься сюда.

– Вернись! – воскликнул я, испытывая огромное облегчение, и заправил рубашку в брюки.

– Ты у меня в долгу. Верно?

– Разумеется, конечно!

Но когда я полез за кошельком, она остановила меня.

– Для меня это не работа. Я открыла тебе дверь,пустила тебя, ты стал моим, теперь ты дашь мне обещание, и оно снова приведет тебя ко мне. Обещай, что вернешься. Скоро. – Она улыбнулась и поправила мне галстук. – Видишь, я не назначаю тебе ни дня, ни часа. Это ни к чему. Я чувствую, что нужна тебе. Ты ещё много чего найдешь во мне, а я в тебе. Ты мне откроешься. Обещай!

Я смотрел на неё в смятении. Много ли она разглядела во мне и каким образом? Но она была права. Какая-то часть меня уже принадлежала ей. Она её присвоила. Этого она достигла.

– Я должен тебе не только обещание. Я должен больше, – сказал я. – Договорились. Я вернусь. Скоро. Обещаю. Больше ты от меня ничего не хочешь?

Она улыбнулась и сдержанно кивнула.

– Пока хватит. Я выпущу тебя через другую дверь. На шумную улицу.

Она взяла меня за руку, и мы уже готовы были выйти из комнаты, но я вспомнил про меч.

– Да, я должен взять это, – испытывая неловкость, сказал я и удивился – таким нетерпеливым, чуть ли не злобным взглядом наградила она меня. – Объяснять долго, но я не могу выйти на людную улицу с такой штукой. Нет ли у тебя чего-нибудь, во что его можно завернуть?

Она огляделась, потом схватила со спинки стула тонкий шарф или шаль и накинула на меч.

– Спасибо. Я верну.

Она кивнула, словно не сомневалась, что так и будет. И, наверное, была права.

Она снова вывела меня в темный коридор, мы поднялись по лестнице, потом спустились, перешли по скрипучему мостику через дурно пахнущий маленький двор, где в загородке рылась черная свинья, вошли в узкую дверь и снова пустились в путь по коридорам, слабо освещенным только окошками, затянутыми промасленной бумагой. Под одним таким окном храпел темнокожий мужчина. Девушка недовольно поморщилась и, к моему удивлению, сильно его пнула. Из дверей, мимо которых мы проходили, доносился шум, но, кроме спавшего в коридоре, мы не встретили никого, пока не вышли в большой грязный холл, содрогавшийся от пульсирующей музыки диско. В конце холла была дверь, а с другой стороны, за аркой, завешенной пластиковыми ленточками, виднелось просторное, слабо освещенное помещение, заставленное столами и разделенное на кабинки; в глубине на крошечной сцене извивались и корчились смуглые фигуры. Оттуда несло потом, пивом и дешевыми сигаретами, да ещё дезинфекцией.

– Бар, – кивнула Рангда, её пластиковые босоножки постукивали по растрескавшемуся виниловому полу. – Дорогие напитки, дешевые девочки. Переберешь одного – поневоле отдашь деньги за другое. Так или иначе, всё равно окосеешь. Когда вернешься, спроси меня, выпьем вместе.

Я ещё раз пристально всмотрелся в нее.

– А когда ты здесь бываешь?

Она усмехнулась.

– Придешь, спросишь, и меня найдут. А теперь ступай! Иди!

Сильным, снова удивившим меня рывком она распахнула дверь и вытолкнула меня на улицу. Моргая и задыхаясь оттого, что снова оказался на жаре и на свету, я вылетел и наткнулся на группу смеющихся туристов, едва не сбив с ног толстого европейца в розовых шортах, снимавшего что-то на видеокамеру.

– Sauvertrunkener! ⁵— прорычал он, брызгая слюной и распространяя запах пота. Я оглянулся посмотреть, что он снимает. Обрамляя двери, из которых я выскочил, вдоль всего фасада, оформленного под пагоду, красовались большие розовые плакаты с примитивными изображениями девиц, раскинувших ноги. Тот же мотив воспроизводился во вспыхивающей розовыми огнями рекламе на краю крыши и в выставленных рядом порнографических фотографиях. На вид девушкам было не больше четырнадцати.

«Бар – кабаре – эротическое шоу – Киски Джима».

Почти все городские бары и бордели с юными проститутками сосредоточивались в районе Трех Улиц, и всеми ими заправлял магнат, известный под кличкой Патпонг, а этот бар почему-то находился на отшибе. Улица была, даже по меркам Бангкока, узкая и пустая, если не считать этих дурацких туристов. Бар выглядел не таким уж убогим, но здание было старое, даже древнее, края крыши по традиции загибались вверх, всё свидетельствовало о том, что здесь испокон веку был бордель. Может быть, потому-то его и терпели в неполюбованном месте, к тому же недалеко отсюда были верфи.

Не в силах напустить на себя уверенный вид, я проковылял мимо туристов, всё ещё ощущая, какими липкими стали пальцы от прикосновения к подушкам на кушетке, и мысленно посылая к чёртовой матери этот проклятый город.

И конечно, все опять воззрились на меня, когда, расталкивая зевак, ко мне с воплями бросился Дейв:

– Стив! Стив! Где ты был, черт тебя побери? – Он схватил меня за плечи. – Ах ты, стервец! Цел и невредим! Но что случилось? Я хочу сказать, только мы с тобой... как вдруг... Ух! Ну ты и мерзавец – снова благополучно приземлился, как ни в чем не бывало!

Он потерял болтающийся конец шарфа, который дала мне Рангда, и присвистнул при виде украшавшего его узора. А я на этот узор и не обратил внимания. На шарфе был рисунок, заимствованный с фризов какого-то храма, возможно храма в Ангкоре, или из каких-то подобных мест. Фигуры весело изгибались в эротически-атлетических бесконечно разнообразных сочетаниях. Дейв поднес шарф к своим широким ноздрям и с нарочитым шумом благоговейно втянул в себя воздух.

– О, какой аромат! Поистине дышит восточными обещаниями – лошадь с ног собьет! Так! Откуда он у тебя? Подумать только, я мечусь по этим проклятым улицам, места себе не нахожу от беспокойства, а ты в это время развлекаешься на всю катушку! Ну давай рассказывай, какая она?

Я выхватил шарф из рук Дейва и обвязал им меч. Мне было не до шуток.

– Ты прекрасно знал бы, где я, если бы не сбежал и не бросил меня! – прорычал я.

– Ну знаешь! – возмутился Дейв. – Последнее, что я видел, – тебя рядом с собой. Это когда мы оба улепётывали, помнишь? – Он содрогнулся и поднес руку к виску, будто желая прогнать неприятное, но уже смутное воспоминание. Теперь в его речи явно слышался акцент. – А что мы могли ещё сделать? Только бежать – единственное разумное решение. Кто же знал, что у них тут по улицам рыщут львы? Наверное, надо заявить куда-то.

Голос его звучал нерешительно.

– Так считаешь, мы видели льва? – спросил я.

– Ну а кого же ещё? Конечно льва. Правда, на нём было что-то вроде сбруи, будто он из цирка, но... – Дейв старался подобрать объяснение. – Господи! Ну я и перетрусил! В глазах помутилось. Но знаешь, что я тебе скажу? Это было здорово! – Он внезапно расплылся в улыбке. – А ты как? Только не говори, что не испугался!

Сердиться на него долго было невозможно. Я себя не помнил от радости, что он жив и здоров.

⁵ Пьяная свинья! (нем.)

– Намекаешь, что твой начальник – жалкий трус?

– Да нет, хочу сказать, что он разумный человек. Слушай, ты не поверишь, как все было – ведь я вылетел, будто ужаленный, на эту улицу, и тут увидел, что тебя рядом нет! Тогда я кинулся тебя искать. Верней, попытался. Но понимаешь, можешь думать, что я спятил, только... – Дейв помотал головой. – Да ну, к черту! Всё равно ты не поверишь!

– Посмотрим, – сказал я, и, видно, мой голос прозвучал как-то не так, потому что он внимательно посмотрел на меня.

– Я не смог вернуться! Просто не смог! За какой угол я ни сворачивал – я оказывался не на той улице. Я уже рвал на себе волосы. Те переулки... казалось, их просто никогда и не было!

Я осмотрелся и направился к главной улице, подальше от туристов. Солнце садилось, и в раскаленном воздухе висела дымка пыли и сажи. У меня саднило горло, я ужасно устал, но, несмотря ни на что, внимательно прислушивался к возникшей внезапно идее. Надо было отдохнуть, найти тихое и спокойное местечко, хорошенько подумать и дать этой идее вызреть из безумных, перепутанных воспоминаний. Но больше всего мне хотелось выпить.

– Да были эти переулки, как же иначе! Но вот когда? Пятьдесят, а может, и сто лет назад! До того, как после вьетнамской войны сюда нахлынули солдаты и превратили здешние чайные домики в бары... Эти переулки были здесь ещё до того, как несчастная Энн Леоновенс⁶, да и все мы приобщили здешние края к прелестям западной цивилизации. Но улочки эти не исчезли. Они все ещё тут. Ты искал их при свете, Дейв, а надо было всматриваться в тени, в сумрак.

Пока я произносил эту тираду, Дейв сделал попытку вставить слово, да так и остался с раскрытым ртом. Теперь он его захлопнул и промолчал. Я сочувствовал ему – несколько лет тому назад я и сам был в подобном состоянии. Но ничего объяснять мне не хотелось. На углу я поймал проезжающего мимо рикшу, *samlor*, и началась неизбежная торговля относительно платы за проезд. Мы забрались на сиденье, уселись под маленьким навесом, провисшим от душного предзакатного зноя. Меч, закутанный в шарф, звякнул о стальные перильца, и маленький жилистый рикша с удивлением взглянул на меня.

– Сувенир, – объяснил я, что было сущей правдой, причем сувенир из мест – не чета этим.

Рикша высадил нас перед надежно затененной террасой отеля, на которой располагался бар. Мы сидели на террасе, потягивая джин, и лишь через пару часов, медленно опустошив несколько банок, смогли оторвать усталые тела от тростниковых кресел и побрели в холл.

– Четыреста пятый? Пожалуйста, миста Фишах, – с американским акцентом сказал клерк и протянул мне телеграмму. – Только что принесли, – добавил он.

– Неужто наша фирма нашла перевозчика? – заметил я Дейву и распечатал телеграмму. Но она была от компании, ведающей моим домом. Выяснилось, что кто-то разбил окно и сработала сигнализация.

– Но ты ведь живешь чуть ли не в стратосфере, – удивился Дейв. – Как могли разбить окно в пентхаузе на четырнадцатом этаже?

– Здесь говорится, что охранник и управляющий больше никаких повреждений не обнаружили. И ничего не пропало.

И тут я сообразил. За мной все ещё волочился причудливый шарф Рангды, к вящему удивлению всех, кто был в холле, – я ведь уже научился читать по бесстрастным лицам тайцев. Но с пояса свисал только шарф, кусок пестрого шелка – легкий, как пушинка. Где же меч? Я в панике забегал глазами по сторонам. Уронил в коляске рикши? Оставил на террасе гостиницы? Нет, я слишком хорошо помнил, как меч мешал мне, когда я вылезал из коляски, как присло-

⁶ Леоновенс Энн Гарриет (1834—1914), уроженка Канады, была нанята королем Сиам (нынешнего Таиланда) в качестве гувернантки для его детей. Её биография легла в основу популярного мюзикла «Король и я» и одноименного фильма.

нил его к стулу, а потом осторожно взял, когда мы собрались уходить. Дейв тоже уставился на шарф, и на его подвижном лице, сменяя друг друга, промелькнули все оттенки недоумения. Закончилась эта смена выражений крайним негодованием. По молчаливому согласию, отдыхая на террасе, мы не касались наших недавних приключений, но долго так продолжаться не могло. Я скатал шарф, сунул его в карман и поспешил к лифту.

– Бандиты! – тихо брюзжал шедший за мной Дейв. – Дремучие декойты, или как их там называют?

– Это бирманское слово.

И тут я прямо-таки услышал, как лопнуло долго сдерживаемое терпение Дейва.

– Ну хватит! То декойты, то львы! Секс-бары! Переулки! То они возникают, то фр-рр – и их как не бывало! Ищи их среди теней, как ты выразился. Среди теней столетней давности! А может, и ещё древнее. Ты все про это знаешь, так твою мать! И снисходишь лишь до того, чтобы посмеяться надо мной! Только учти – с меня довольно. Слышишь? Ты обязан дать мне объяснения, а не дашь – я их из тебя добуду!

Я понимал, в каком он состоянии. Если я ему ничего не объясню, то как бы мне снова не понадобился меч. Правда, насчет меча я перестал беспокоиться: управляющий знал, как он выглядит, и не будь меча на месте, на выкрашенной серой краской стене остался бы явный след. Если бы меча не было, управляющий это заметил бы. Я не сомневался, что когда вернусь домой, меч будет по-прежнему висеть над камином и упрямо портить интерьер.

– Да не смеюсь я над тобой! – сказал я Дейву. – Поговорим. Только у меня в номере, где нас никто не услышит. А сначала надо пообедать. Я могу попросить, чтобы нам принесли еду наверх.

– Ты все знаешь! – повторил неумолимый Дейв. Это явно оскорбляло его, он глядел на меня с воинственным скептицизмом. – А меня небось собираешься кормить небылицами? Про духов вкручивать или про что-нибудь ещё?

– Про что-нибудь ещё, – покачал я головой.

Лифт со вздохом открылся, и мы ступили на толстую ворсистую подстилку, тут же, конечно, зарядившись статическим электричеством, которое сразу ощутится, стоит только дотронуться до чего-нибудь металлического.

– Про что-нибудь ещё, – повторил я, вставляя ключ в замок. – Про то, что случилось со мной несколько лет назад. Про то, что не так-то просто объяснить, а ещё труднее принять на веру. Поэтому я понимаю, как тебя разбирает.

Из широких стеклянных дверей балкона на нас глядела ночь. Тремя шагами я пересек комнату и широко распахнул двери. Так высоко уличная вонь не поднималась, а свежий речной ветер разогнал дневную жару. В черном стекле неба мерцали звезды и длинная рука Млечного Пути дугой изогнулась над городом, словно прозрачный шелк. «Рука Спиральной Галактики», – подумал я, и тут меня словно пронзило – мне показалось, что я увидел наложенным на тот образ, который с благоговейным страхом хранил в душе, облик куда более могущественной, нематериальной Спирали пространства и времени. Бурлящий водоворот, в котором наша собственная реальность, упорядоченная и строго контролируемая, являлась твердой Сердцевиной, а вдоль витков Спирали располагались бесконечные вариации этой реальности, всё, что только может вообразить человек, и даже много сверх того. В туманных пределах этих витков дремлют силы, способные играть человечеством, как детской игрушкой. Странствуя по этим виткам, не ведая ни смерти, ни времени, человек может превратиться в нечто большее, достичь полного выражения своей сути. И в конце этих странствий, если он уцелеет, человек сможет сам соперничать с могущественными силами Спирали, подняться над самим собой, как когда-то удалось этим силам.

Подняться или упасть! Мне доводилось видеть и то, и другое. Я видел и дрожал от ужаса и благоговения перед тем, каких крайних пределов эти падения и подъемы достигали. Дрожал,

сознавая свою полную беспомощность перед ними. Долгие годы грандиозность этих образов угнетала меня, и в то же время воспоминания о них манили, терзали плоть, стучались в душу – в душу, которая увядала из-за стремления к успеху. Я пытался подавить эти воспоминания – не слишком усердно, ведь, порожденные пребыванием за пределами Сердцевины, они не имели корней. Но теперь-то я понял, почему просыпался со следами слёз на лице.

Показав мне мою слабость, меня предупредили. Этим предупреждением я попытался пренебречь. Похоже, Спираль решила напомнить о себе – и напомнила не слишком дружелюбно. Правда, противодействуя мне, Спираль продемонстрировала нечто новое – показала, как я сам могу использовать её возможности. Вызов меча был, конечно, пустяком, но этим пустяком я зато всегда мог воспользоваться, и кто знает, вдруг в моей власти ещё что-то. И пригодиться мне оно может при совершении хороших дел, важных начинаний, в сферах, где большое значение имеют мотивы. Ведь мне нужна будет помощь, и теперь я знаю, как её найти, по крайней мере мне так кажется.

То, что одни называют Спиралью и Сердцевиной, другие – в прежние времена – называли Колесом и Втулкой. Что ж, может быть, пора мне начать крутить это колесо, крутить в свою сторону. И я поднял руки, будто хотел обнять это парящее надо мной видение. И заметил, что Дейв молча наблюдает за мной, словно увидел меня впервые.

– Сейчас начну объяснять тебе, Дейв. Понять мои объяснения будет нелегко. Но если тебе покажется, что я спятил, вспомни, что ты сегодня видел, и попробуй объяснить увиденное как-нибудь иначе. И не упускай увиденное из памяти, не старайся рассуждать рационально! Не лги себе. Не отступай. Ты скоро обнаружишь, что воспоминания о таких вещах стираются быстро – быстрее, чем другие. А тебе они нужны! Знаешь почему? Потому что они смогут в конце концов пробить дорогу для наших контейнеров!

ГЛАВА 2

– Имей в виду, приятель! – Дейв погрозил пальцем у меня перед носом. – Тебе не удастся – повторяю ещё раз – не удастся так просто от меня отделаться!

Я пристегнул ремень безопасности.

– Надо было мне оставить тебя на Дальнем Востоке! Слушай, Дейв, я знаю, что ты человек спортивный, но тут тебе придется и вправду нестись со всех ног, чтобы угнаться за мной.

Он ухмыльнулся. И помахал передо мной чем-то позвякивающим, отдернув руку, когда я попытался это схватить.

– Спортивный взломщик, вот я кто! Подцепил, когда мы спускались в лифте.

Я стукнул по рулю.

– Слушай, ты, дуралей! Отдай ключи. Дело вовсе не в том, что я не хочу брать тебя с собой.

Ну, подумал я про себя, это не совсем так. По правде говоря, я ревниво относился к таверне и её завсегдатаям и ко всему, что она для меня значила. А значила она очень много. Она составляла совсем другую часть моей жизни, ничем не похожую на четко работающий холодный мир международной торговли со всеми его сверкающими атрибутами. А уж сверкать ярче, чем Дейв, было трудно. Хотя он и очень мне нравился, знакомить его с открытым мною миром не хотелось. Я боялся, что из-за Дейва этот мир сразу скукожится, поблекнет, утратит очарование. Даже если Дейв не станет этот мир осмеивать – а уж посмеяться над чем-то Дейв был великий мастер, особенно когда лучшая часть его души помалкивала, – даже если он сдержится, само его присутствие, сверхмодный пиджак, его сигареты, купленные в шикарном магазине, способны лишить таверну всей её теплоты и заманчивости – она станет казаться облезлой и даже унылой. Конечно, и я носил джинсы от Келвина Кляйна и ездил не на какой-нибудь таратайке, но дело было не в этом. И, кроме того, передо мной стояла главная задача.

– Помнишь, как вчера ты не мог найти дорогу обратно в эти улочки? Так же трудно найти и то место, о котором я говорю.

– Но ты сказал, что приходил туда и после первого раза, когда оказался на этой самой Спирали.

– Да, но уже много лет там не бывал. Я не переставал искать таверну, но это становилось всей трудней. Из десяти попыток удавалась только одна. Никак не мог найти дорогу, носился взад-вперед по улицам, пешком и на машине, все надеялся – вдруг найду. Ужасно противное состояние. Порой казалось, вот, вижу её вдаль или что-то похожее мелькнуло на боковой улице. Я возвращался к тому месту, а там какая-нибудь старая, заброшенная лавка или ещё что-нибудь в таком роде. Начинало казаться, что ты рехнулся. Ничему не веришь, всё вызывает сомнения.

– А ты никогда не думал, что тебе это не кажется? Может, ты и впрямь рехнулся? Ладно, ладно! – встревоженно заверещал он. – Все в порядке. Я тоже видел эти закоулки, видел льва, или что это там было, и дейкотов тоже видел. Так что если ты рехнулся, то и я заодно. Видишь свои ключи? Хорошенькие ключики, да? Но, – прибавил он, когда я схватил их, – сначала выслушай, почему я рвусь ехать с тобой, у меня на то два соображения.

– Слушаю.

Дейв долго, театрально вытирал пот со лба шелковым платком.

– А ты не слышал, что тебе идет злиться? Ты хорошеешь! Итак, соображение первое: ты сказал, что на этот раз Спирали, как ты именуешь эту штуковину, до тебя дотянулась сама. Может случиться, она опять тебя вспомнит, а может, нет. Допустим, вспомнит – и тогда будет лучше, если ты окажешься не один. Соображение второе: если на пути в эту таверну мы влип-

нем в серьезные неприятности, брось меня на первом же углу, я как-нибудь попытаюсь сам выбраться, а ты поезжай искать дорогу. Ну что, возражения есть?

Я поерзал за рулем.

– Кто знает, может, у меня будет всего один шанс, но... – Я посмотрел на Дейва – вид у него был на зависть самоуверенный и фанфаронский.

Но я-то все его позы изучил и знал, что за ними скрывается острый ум. А вот такой храбрости я от него не ожидал. Он всегда издевался над моими пристрастиями к скалолазанию, фехтованию, парусному спорту, утверждая, что это свидетельствует лишь о не уснувших первобытных инстинктах. Его же увлекали коллективные виды спорта – футбол, баскетбол, не говоря уже о беге трусцой. Наверное, он никогда в жизни не был так напуган, как во вчерашних закоулках, и всё же – вот он стоит передо мной и просит, если понадобится, оставить его на растерзание чему-то, что совершенно явно угрожает только мне.

– Пошёл ты к черту! Садись! И пристегнись хоть раз в жизни.

– Слушаю и повинуюсь, о заместитель моего директора-распорядителя! Уж сегодня рисковать так рисковать!

Понемногу увеличивая скорость, я вывел свой «морган» со стоянки, повернул направо в сторону кольцевой дороги, круто поворачивая, объехал площадь и свернул в улицу направо. Лучше всего искать дорогу в таверну перед заходом солнца, а наши препирательства нас сильно задержали. Я слегка нажал на педаль газа, хоть с ней следовало обращаться осторожно. Эта моя машина и выглядела, и вела себя куда более вызывающе, чем все мои прежние элегантные спортивные автомобили.

Она была открытая, что мне ужасно нравилось. Даже несмотря на густой поток транспорта, чувствовалось, что воздух посвежел и стало прохладнее, и я с радостью приглядывался к признакам близкого дождя. Я ощущал, как раскрываются мои ссохшиеся поры в предчувствии влаги – ведь в Бангкоке я просто спекся. Движение стало не таким плотным, я прибавил скорость и с улыбкой повернулся к Дейву. Однако у него был не слишком радостный вид, он сидел поджав ноги и придерживал на груди полы яркой куртки, а его галстук развевался в вихре, идущем поверх лобового стекла. Меня этот холодный воздух бодрил и даже возбуждал, тем более что слегка повеяло морем. Впервые светофоры мне благоприятствовали, и я не имел времени взглянуть вверх, на облака, но краем глаза, казалось, заметил в сумеречном освещении первые слабые намеки на забытый ландшафт, словно различил в холмах и заливах вечернего неба воспоминания о нём. Внезапно меня охватило волнение, я снова увеличил скорость, машина полетела вперед, я свернул в улицу налево, готовый влиться в поток одностороннего движения: это был ближайший путь к старым докам. Сперва машину вынесло в конец Гаванской улицы, а оттуда в сумрачное устье Дунайской. Здесь, среди массивных стен, уже царила ночь, но в потрескавшихся окнах высокого склада отражались оранжевые и пламенно-красные облака, словно окна решили заменить собой газовые лампы, горевшие здесь в давние времена. Шины знакомо загремели, и я понял – булыжники так и остались здесь, как было когда-то – когда?

Прошло три, нет, четыре года с тех пор, как я был тут в последний раз. «Запоминай – доки, Дунайская улица, а дальше таверна!» – так наставлял меня Джип-штурман. И я старался запомнить. Я пускался на поиски таверны много раз, но попасть туда удавалось редко. Чаще всего я искал её, когда мне было плохо, трудно, когда в жизни моей наступал кризис. И в таких случаях иногда находил. Обычно я встречал в таверне какой-то особый покой и хорошую компанию. Меня кормили и поили, я слушал рассказы, которых в других местах не услышишь, у меня и самого всегда была припасена какая-нибудь замысловатая история. В те времена мне начинало казаться, что найду я или нет путь в таверну, зависит от моего состояния, что попасть в неё можно, когда я больше всего в ней нуждаюсь.

Но бывало и по-другому. Тогда я не мог найти даже запертых дверей. Вокруг были только низкие стены викторианской эпохи склада и фабрики, а то и засыпанные мусором пустыри или

унылые улицы, застроенные вульгарными кафе, отживающими свой век лавками, а иной раз в глаза бросались свидетельства обновления: отреставрированные и приукрашенные фасады нежилых домов, сахариновая мешанина из сувенирных магазинов, дискотек, испанских баров или бистро с оплетенными соломой бутылками в витринах и складчатыми маркизами, – и всё это пестрое, элегантное и безжизненное, как бабочки из дутого стекла. Правда, неуспех в поисках постигал порой и в тех случаях, когда я был в таком же взвинченном состоянии, как когда я её находил, – по крайней мере, мне так казалось. Было ли мое состояние условным знаком для выхода на Спираль? Инстинкт подсказывал мне, что это не так, а в путешествиях по Спирали, когда кругом был хаос, я привык доверять инстинкту. Впрочем, смысл всего этого был выше моего понимания.

А сейчас, когда я завернул на улицу Тампере, меня будто током ударило – она ничуть не изменилась: свежий ветер гнал по сточным канавам те же обрывки газет, так же зловеще шелестели, скользя по мостовой, ключья полиэтилена. Дейв наконец прервал долгое молчание.

– Гак это и есть твоя романтическая гавань? – воскликнул он.

Однако я был слишком занят, стараясь разобраться в маленьких закоулках и двориках.

– Следи за крышами! – бросил я Дейву и повернул в левую, что-то вызвавшую в памяти улицу.

– И что я должен увидеть? – спросил Дейв.

– Увидишь – поймешь!

Я опять свернул направо. Двигаться надо было в сторону моря, это казалось самым разумным. Мне эта улица показалась знакомой, я вспомнил и эту заброшенную фабрику на перекрестке – ещё один добрый знак. В прохладном, неподвижном воздухе с пронзительными криками кружились чайки, их крики подгоняли и одновременно настораживали. По обеим сторонам улицы, такие же загадочные и гибкие, легли вечерние тени. Куда же свернуть? Позади автомобилей не было, и я сбавил скорость, машина едва ползла, пробираясь вперед, а я внимательно глядел по сторонам.

– Ну что? Пока ничего примечательного, – скучающе проговорил Дейв. – Тихо, как в сточной канаве. Им следовало хотя бы проложить тротуары, а то каково тут по вечерам. Неудивительно, что все так присасываются к телевизорам.

– То есть?

– А ты глянь на эти антенны. Наверное, живя здесь, окосеешь.

Я резко затормозил, и рот у меня раскрылся сам собой.

– Эй, Стив! Теперь я понимаю, почему ты так донимал меня с ремнем! – жалобно проскулил Дейв. – Я чуть не вылетел через лобовое стекло. Чуть сигарету не смял.

– Так ты ведь любишь турецкие.

Я снова прибавил скорость, и машина поскакала по булыжникам к перекрестку, а там свернула направо. Неподалеку эту улицу пересекала другая, а в конце её виднелись игольчатые тени, напоминавшие гигантскую паутину.

– Дейв, балда! Разве это похоже на телеантенны?

– Ну, не знаю. Здесь ведь порт недалеко, может, это радары?

– Антенны! – расхохотался я, будто опьянев от радости и облегчения.

Круто свернув ещё за один угол, мы с ревом понеслись вниз, к морю. Теперь Дейв мог всё видеть сам, и когда увидел, обомлел, молча откинулся на спинку сиденья, и рот у него раскрылся, а глаза расширились и поглупели. И даже я, предвкушающий, что мы сейчас увидим, невольно сбавил скорость и медленно въехал на забарабанившие под колесами доски набережной, и тут остановился. Мы оба молча поднялись и, встав на сиденья, опершись о ветровое стекло, с немым восхищением смотрели на старинную пристань, созерцали то, что должно было исчезнуть ещё два столетия назад. Меня охватила безудержная радость – теперь я знал, что это не галлюцинация, не плод моих фантазий, эти воспоминания, которые я так долго носил

в себе, – перед нами высился целый лес без корней и листьев: вместо них виднелись лишь просмоленные канаты и линии, целый лес мачт, теснивших друг друга, великолепная флотилия кораблей с прямыми парусами на фоне пылающего архипелага туч, подсвеченных заходящим солнцем.

Сотни типов судов, их было невероятно много. Они стояли тесными рядами, покачиваясь на волнах, и терлись шканцами о прибрежную стенку, напоминая огромных морских чудовищ, лениво почесывающих бока. Небольшие рыбацкие лодки с изогнутыми носами стояли рядом с клиперами, очертания которых напоминали акул, мощные борта галеонов заслоняли палубы одномачтовиков с косыми парусами. Но в основном здесь были суда георгианской эпохи или похожие на них корабли, какие строили с конца XVIII до середины XIX века, – красавцы последней поры парусного флота. Жерла пушек на каперских кораблях кровавадно взирали на округлые борта купцов, а тут и там темнели четкие очертания тяжелых военных кораблей, с грозным властным видом стерегущих более мелкий флот. Все эти корабли доставляли в порты, расположенные в крайних точках Сердцевины, грузы со Спирали – странные грузы, о назначении которых зачастую можно было лишь догадываться. Даже военные корабли тоже перевозили товары, причем едва ли добытые честным бартером или полученные в награду за конвойную службу. Всем им скоро предстояло вернуться на Спираль, слишком долгое пребывание вне которой таит в себе опасность. А пока они тут, их команды наверняка отправились на поиски развлечений, и мы можем последовать за ними.

Я улыбнулся Дейву, вполне понимая, что до сих пор, сколько бы я ему ни втолковывал о Спирали, он упрямо отмалчивался, не спешил соглашаться, не веря ни единому моему слову, несмотря на пережитое им в Бангкоке.

– Какие-нибудь комментарии, мистер Ошукве?

Дейв поежился. Его голос, потерявший обычную насмешливость, казался тонким и глухим.

– Не знаю, что и думать! Так ничего и не понимаю. Все вижу, но всё равно не беру назад своих слов, что ты тронулся. Просто я и в себе не слишком-то уверен.

– Со мной было так же. Но разве это не фантастическое зрелище? Разве не красота?

– Красота? А то, что налетело на нас в Бангкоке, по-твоему, тоже красиво? Господи! – Он провел по губам тыльной стороной ладони. – Я-то считал, что живу в ладу с миром. Нигде не растеряюсь, на меня как сядешь, так и слезешь. Но если каждый раз, когда неверно завернешь за угол, тебя поджидает неизвестно что, можно ли жить спокойно? На что я могу нарваться у себя в Кано? Или возвращаясь домой с работы? Разве придёт кому-нибудь в голову ожидать таких сюрпризов? Разве можно быть к *этой* готовым? Я всегда знал, что ты довольно странный, Стив, но если, увидев *это*, ты приходишь в восторг, то, значит, ты во сто раз более странный, чем я думал.

– Благодарю за лестную характеристику, – усмехнулся я. – Ты ещё привыкнешь, Дейв! Но в одиночку мы действовать не можем. Мы нуждаемся в помощи и за ней сюда и прибыли.

Я разглядывал кирпичные стены бывших портовых зданий, на которых ещё виднелись давно нанесенные краской знаки, выцветшие от соленого ветра. Над дверями самого высокого здания красовалась витиеватая надпись на медной дощечке, прикрепленная к плите красного песчаника, стершаяся так, что лишь с трудом можно было прочесть: «Верфь Парамарибо».

– Тут я ничего не знаю. Нам нужно попасть на улицу Мелроуз, за Данцигским причалом. Это где-то здесь. Пошли, найдем какой-нибудь указатель или спросим у кого-нибудь.

Дейв с величайшей неохотой вылез из машины и поморщился, когда его ноги коснулись трухлявых досок, словно боялся, что они развалятся под ним и он окажется в покрытой маслянистой пленкой воде. Что поделаешь, видно, воображение у него было богатое.

Мне-то самому говорили, и отнюдь не в порядке комплимента, что я потому так легко со всем свыкся, что воображение у меня было совершенно неразвито. Может быть, и так, но, когда

я всматривался в здешние сумрачные улицы, куда редко заглядывало солнце, мне нетрудно было представить, что здесь встречаются призраки.

Однако сейчас тут не было ни души. Корабли казались безлюдными, но на них, наверное, осталась охрана. Правда, я не рискнул бы проверять, так это или нет. Вдруг нарвусь на корабль волков или ещё на что-нибудь похуже. Мне намекали, что на Спирали есть существа пострашней волков, но, о ком шла речь, догадаться было трудно. И теперь, когда первоначальная эйфория прошла, я стал думать, не слишком ли легко мы сюда проскочили? В этих зыбких и сумрачных отрогах нормального мира вряд ли стоило доверять внешнему виду.

Неподалеку я с удивлением заметил отражающийся в лужах слабый свет. Нет сомнения, где-то рядом светились окна, неяркий, красноватый и тусклый свет отражался в вывеске, которая, поскрипывая, болталась туда-сюда, словно труп на виселице.

– Черт побери! – выругался Дейв, когда мы направились туда. – Ну и видок! Хуже автостанции на большой дороге.

– Да ещё в праздничные дни! Ты прав. Впрочем, может быть, мы здесь что-нибудь узнаем.

– Не уверен, – пробормотал Дейв. – Меня от этого места оторопь берет.

Открыв дверь в заведение, я готов был согласиться с Дейвом. Пахло дешевым табаком и пригоревшим жиром, но потом стали долетать и другие ароматы – пахло застоявшимся спиртным, блевотиной, немытыми телами и чем-то ещё похуже. Так что табачному дыму следовало только радоваться. Внутри помещение было тесное и темное, в нем горело несколько ламп с воткнутыми в них дымящими свечами, низкий почерневший потолок впитывал летящую от свечей копоть. За столами, сутулясь, сидели мужчины. Темнокожие и белые, но больше ни о ком из них я ничего не мог сказать, кроме того, что глаза у всех блеснули, когда они повернулись и посмотрели на нас. Разговор притих, слышался только тихий ропот. Здоровенный толстобрюхий детина в рваной рубаше и шароварах, подпоясанный черным поясом, медленно поднялся из-за ближайшего стола и смерил нас взглядом.

– Que quereis? ⁷ – Испанским он владел не лучше, чем я, и вопрос свой только что не выплюнул нам в лицо.

Собрав силы, чтобы сохранить достоинство и мягкую кротость, я раскинул руки и спросил:

– Perdoneme, senor, queremos descubrir la «Taverna Illyrica», por favor? ⁸

Даже в здешней полутьме было видно, как он побледнел.

– No se! ⁹ – рявкнул он с тем вызывающим видом, какой бывает у человека, сознающего свою слабость.

К моему удивлению, он выставил в нашу сторону два пальца наподобие рогов, что было заклинанием от дурного глаза, и плюнул мне на ботинок. Случись это в другое время, я бы тут же повернулся и ушел, но душа у меня все ещё пела от впечатления, произведенного лесом мачт на фоне заката, и воспоминаний, которые меня одолевали. Я поднял ногу и довольно сильно пнул обидчика, обтерев таким образом башмак о его штанину. Он взвыл, подскочил на месте и схватился за пояс. «Полез за ножом», – догадался я. Собрав в горсть его рубашу, я швырнул парня на стол. И только тогда повернулся к выходу. Дейв за рукав буквально выволок меня на улицу.

– Господи, что на тебя нашло? Скорей убираемся, пока нам не перерезали горло! А то ещё похуже что-нибудь придумают! Да ты что, ошалел?

– Не беги! – скомандовал я. – Ты их только раззадоришь. Держись спокойно!

⁷ Чего скалитесь? (исп.)

⁸ Простите, сеньор, не скажете ли, как отыскать «Иллирийскую таверну»? (исп.)

⁹ Не знаю! (исп.)

Глядя в грязное окно напротив, я увидел в нём словно в зеркале, как дверь харчевни распахнулась и в проёме, освещенные красным светом, воздвиглись фигуры – одна, две, три. Но на улицу они не вышли. Я равнодушно оглянулся. Кто-то из них издевательски помахал нам и выкрикнул:

– Buenos noches, señor! Nos respetamos a los bultos! ¹⁰

Дверь захлопнулась.

– По-испански они говорят паршиво! – сказал Дейв; его голос лишь слегка подрагивал. – Хуже меня! Почему они полагают, что мы должны передать привет кому-то? А ведь это слово означает «свертки», «мешки», верно? Так кто же это?

– Ну, эти-то точно не испанцы, но вот с чего они решили, что мы из Испании? – Я оглянулся на вывеску. – «Den Vijnkeller» ¹¹, «Marrowijnse». Похоже на голландский. А, ведь Нидерланды когда-то принадлежали Испании, были одной из её колоний! Может, эти мужланьы говорили с нами по-испански, желая оскорбить... А «bultos»... Да, по-моему, это «узлы», «свертки», «кульки». Бог знает, при чем тут это. Может, какое-то ругательство. Ладно, пошли, поищем местечко погостеприимней.

Но пока мы возвращались в сгущающихся сумерках в гавань, в голове у меня что-то насчет этих «кульков» всплывало. Где-то я вроде бы слышал это слово или что-то похожее. От кого? От Джипа? Пожалуй, и произносилось это слово отнюдь не шутливо. Оно обозначало что-то скверное. И в эту секунду я услышал в потемках впереди чье-то хихиканье.

Вполне, казалось бы, человеческое хихиканье, но очень уж пронзительное, похожее на писк. А потом послышались сухой шорох и шуршание, будто кто-то тихо передвигается с места на место, и это уже решительно напоминало насекомых. Дейв тоже услышал эти непонятные звуки.

– Неужели опять проклятые дейкоты?

Его шепот был едва слышен из-за шума прибоя.

– Не думаю, – тихо сказал я. – Но что бы это ни было, оно находится между нами и гаванью. Правда, на темной стороне улицы. Если бы нам удалось проскользнуть мимо, мы бы добежали до машины.

Мы двигались быстро, тихо, бегом пересекли улицу и бросились в тень от стены напротив. Но пока переходили на другую сторону, последний сверкнувший луч света дал нам возможность разглядеть, кто же это хихикает в темноте. Сперва существо показалось человеком – круглая фигура на тонких, очень тонких ножках, в странноватом облачении, скрывающем голову и руки. Но в следующую минуту, когда существо повернулось, пытаясь найти нас, я понял, что ни рук, ни головы у него нет – что это шар, вокруг которого развеваются при движении какие-то веревки. Больше всего непонятная фигура напоминала старинный джутовый мешок. Потом рядом с ней возникло ещё одно такое существо. Я услышал, как Дейв заскрипел от волнения зубами. Но ещё несколько шагов, и мы их минуем.

Леденящее кровь хихиканье раздалось у самого моего уха.

– Беги! – завопил я, но мог и не тратить сил, сбережь дыхание. Дейв уже несся со всех ног, я помчался за ним и тут же услышал за собой чей-то бешеный бег – когда-то прежде я уже слышал нечто подобное. Мы свернули за угол, и я устремился к гавани и к машине. В ту ночь, когда я впервые очутился здесь, кто-то тоже тихо преследовал меня до машины, а потом яростно за мной бросился, но я так и не разглядел тогда, кто это был!

Мы долетели до автомобиля, перемахнули через верх, не заботясь о том, что поцарапаем краску. На какой-то жуткий миг мне показалось, что я не могу найти ключи, но потом рев мотора взорвал тишину. Я повернул руль и помчал машину сквозь узкую арку к пристани.

¹⁰ Спокойной ночи, сеньор! Передайте привет мешкам! (исп.)

¹¹ «Винный погребок» (голл.).

– Эй! Стой! – заскулил Дейв. – Ты что, опять туда?

При повороте правые колеса чуть не соскользнули с бревен, но каким-то чудом удержались; машина едва не перевернулась. Я включил дальний свет, и лучи фар зашарили по пристани. Она была пуста. Мрачно улыгнувшись, я набрал скорость, и мы покатали по набережной.

– Не думаю, что они рискнут броситься на машину! – улынулся я, но когда мы проезжали улицу, где они скрывались, они, тесня друг друга, устремились за нами.

Кошмарные существа – бесформенные, закутанные в какие-то завязанные веревкой саваны и подталкиваемые бешеной энергией. Они прыгали и скакали вокруг машины, наталкивались на нее, и тогда раздавались глухие удары, и машина мчалась вперед, отчаянно виляя. Один из них вспрыгнул было на узкую подножку, отчего автомобиль чуть не перевернулся и не полетел вниз к причалу, но Дейв привстал и с такой силой лягнул эту нечисть, что она кубарем покатила под ноги к своим братьям. Видя их так близко, мы смогли разглядеть, что внутри этих мешков что-то крутится, бьется, клубится, словно вот-вот вырвется наружу из ветхих тряпок. Что это было – головы или конечности, – трудно сказать, и оттого казалось ещё более зловещим. Загадочные создания выплескивались изо всех улиц и бились о машину, как мошки о фонарь, из-за них мне не удавалось прибавить скорость. Лобовое стекло сотрясалось, я ненароком высадил его и как раз в этот момент увидел ступени, ведущие куда-то вверх. Я вывернул руль, машина рванулась, и мерзкие уроды разлетелись во все стороны. Одно мгновение переднее колесо крутилось в пустоте, но в следующую секунду мы уже мчались, сотрясаясь, по узкой улочке.

– Стив! Дальше она ещё уже! – Окрик Дейва, в котором слышалась нарастающая истерика, отражал и мои собственные страхи. Если нам придется остановиться, если мерзкие твари набросятся на нас – вдруг эти проклятые мешки взорвутся? Вдруг мы увидим то, что в них скрыто? И вообще, что будет тогда?

Дейв завопил и показал в сторону. Слева приближалась ещё одна улица, и в её глубине расплавленным золотом мерцало какое-то пятно. Я снова вывернул руль, колеса взвизгнули на булыжниках – и, как назло, в этот самый момент на нас обрушилась целая стая этой нечисти. Крыло смялось, машина закачалась, вздернула нос, с треском осела на подвеске, но снова набрала скорость. Я вглядывался вперед через обломки ветрового стекла. Виляя по узкой улице, машина вдавила одну из мерзких тварей в стену, и через зеркало заднего вида я успел разглядеть, что веревки лопнули, мешок разорвался и его содержимое вывалилось наружу. К счастью, меня как раз в этот миг дернул за плечо Дейв, и я так и не увидел, что это было.

– Смотри! – кричал Дейв. – Смотри! Что это? Красные деревянные двери, белые стены, яркая вывеска и приветливо светящиеся окна...

– Неужели не ясно? – завопил я, несправедливо возмущившись тем, что Дейв не понял с первого взгляда, что это.

На противоположной стороне дороги возвышалась «Иллирийская таверна». Моля Бога, чтобы на улице никто больше не объявился, я пустил машину вперед, с жутким скрежетом колес описал дугу и затормозил у самого крыльца. Не успел я дернуть за ручку, как тяжелая дверь с треском открылась. В проёме, придерживая полы красной накидки, стояла девушка, известная мне под именем Катика. В руке она держала тяжелый корабельный фонарь, и, когда мы замешкались на ступенях, она подняла его над головой, что-то громко крикнула и с шумом отодвинула штормовую заслонку.

Яркий свет фонаря упал на неё сверху. Может, свет и не был таким уж ярким – не вспышка магния, не ацетиленовый факел, – но все рядом с ним сразу стало казаться сумрачным. В свете фонаря глаза Катика блестели, а на губах играла странная усмешка.

– Осторожно, Катика! – крикнул я, но восклицание мое замерло на губах. Она знала, что за нами гонятся, она все поняла. Её взор был прикован к противоположной стороне улицы, где сгрудились отвратительные твари; они не двигались с места.

В луче резкого света Катика спустилась на одну ступеньку ниже, фонарь бросал на её лицо безжалостные тени, превращая его в бледную неподвижную маску. Создания на другой стороне улицы, казалось, сбиваются в кучу.

Катика спустилась ещё на одну ступеньку. Накидка развевалась и пылала, будто сотканная из пламени, и мерзкие уроды разразились громким устрашающим хихиканьем.

Ещё шаг. Серые глаза Катика вдруг вспыхнули, сделались зелеными и хищными, точно глаза лисы, жесткие складки вокруг рта углубились, обнажились зубы, а изо рта вырвалось рычание.

Когда она спустилась ещё на одну ступеньку, раздался истерический пронзительный визг и топот улетающих ног.

Катика остановилась и, криво улыбаясь, огляделась. Она стояла, не дойдя одной ступеньки до земли, а загадочные существа скрылись.

Привычным движением она потушила фонарь. Мы посмотрели друг на друга.

– Добрый вечер, Стефан! – тихо выговорила она. – Рада, что ты опять к нам заглянул. Выглядишь хорошо, но чуть-чуть постарел.

– Я же давно у вас не был, Катика. Очень давно.

Она легко улыбнулась и пожала плечами.

– Да? Но тебе это не повредило.

Шаль съехала у неё с плеч. Я думал, что глаза у Дейва вот-вот выскочат из орбит. Её красная безрукавка, зашнурованная крест-накрест, и голубая юбка в сборку были чересчур цветастыми, а ложбинка груди слишком откровенной. Когда мы встретились в первый раз, я принял её за проститутку, обслуживающую таверну. Я не так уж ошибся, но Катика играла много ролей, и все они были непростые.

– Хорошо, пожалуй, что ты приехал сейчас, не стал откладывать. Эти *buttos* — гнусные гадины. С чего это они за тобой гнались?

– Не знаю. – Я с беспокойством посмотрел на нее. До сих пор я никогда не видел её такой грозной. – Я даже не знаю, кто они такие. Но они не первые, кто нас преследует.

Она саркастически изогнула бровь.

– Тогда тем паче входи скорей, а то ещё новые объявятся. А со своим другом ты не хочешь меня познакомить?

По целому ряду причин меня беспокоило, как пройдет знакомство Дейва с Катикой. Однако при встрече с ней от его обычно безудержной готовности сыпать малопристойными намеками, казалось, и следа не осталось, чего я не ожидал.

Он обменялся с Катикой рукопожатием и улыбнулся, но при этом был необычно сдержан, только прищурил оценивающе всегда широко раскрытые веселые глаза. Пока Катика вела нас к двери, я мог заметить в них тревогу и глубокое недоверие. Словно в глубокий колодец, вглядывался он в теплый, благоухающий специями зал таверны, однако покорно последовал за нами в кабинку возле очага. Едва мы опустились на скамью с подушками, как к нам прямо влетел сам хозяин – Мирко. Пожимая нам руки громадными лапищами, он выражал свои восторги при виде меня так, будто приветствовал давно потерянного сына. Когда он выкатился прочь, отдавая громкие распоряжения, как накормить и напоить дорогих гостей, я почувствовал, что пережитые ужасы начинают меня отпускать. Дейв сидел, разглядывая соседние кабинки, но хоть народу в этот вечер в таверне было много, увидеть, кто там сидит, ему явно не удавалось. Такое было на руку посетителям, а Мирко старался им угодить. Под потолком, словно занавеси, клубились тени, хотя не видно было, что их отбрасывает, тени поглощали теплый золотистый свет керосиновых ламп и казались мягким, обволакивающим бархатом. Ничего зловещего в

них не таилось, не то что в холодном мраке улиц. Откинувшись на спинку скамьи, я с удовольствием оглядывал старинный зал, закопченные балки потолка, окорока, колбасы, оплетенные соломой бутылки на столах, охапки специй и сушеных морских диковин.

– Ты и впрямь чувствуешь себя здесь как дома, – тихо сказал Дейв.

– Уж такое это место, – отозвался я. – Такие люди. Они и для тебя в лепешку разобьются, стоит только о чем-нибудь попросить... Что с тобой? Тебе здесь не нравится? И Катика не нравится?

Он поскреб ногтем древнюю столешницу, на которой не раз валялись брошенные в спешке мечи и пистолы, мешки золотых монет и всевозможные банкноты. Она была закапана вином, лившимся через край стаканов, когда их радостно сдвигали, желая успехов, или когда вино в гневе выплескивали на стол.

– Это место, и эта Катика – она явно для тебя что-то значит... Господи, Стив, неужели ты не видишь в ней ничего *такого*?

– Какого?

Дейв смущенно заморгал.

– Ну потустороннего... – Но договорить он не успел: появилась Катика с подносом, на котором высились двухлитровая бутылка пива и маленькая фляжка наливки «туйка», более известной мне как «сливовица». Всё это она поставила между нами.

– Уф! Ну, пейте! Пейте и рассказывайте, что вас привело сюда и с чего на вас накинута эти сатанинские отродья?

– Сатанинские? Что же это за гады? И откуда они здесь взялись?

– А ты что, никогда про них не слыхал? Они из-за океана, эти *bultos*. Разрывают могилы в горах, где живут кондоры. Их даже тамошние короли-жрецы боялись, считали их душами незахороненных мертвецов. Может, так оно и есть.

Мне вспомнились завернутые в свивальники мумии в могилах инков, и я содрогнулся.

– Они что, из Южной Америки? – прохрипел Дейв и поставил на стол своё пиво. – Что им надо здесь?

Катика серьезно посмотрела на него.

– А что всегда надо злым силам? Какой-то жадный негодяй напустил их сюда, чтобы они всех страшили для его выгоды. Очень они похожи на *дуний*, что водятся на Карибах, – о них тебе Стив может рассказать. Правда, те куда страшнее.

– Не вспоминай! – сказал я, чувствуя, как у меня зашевелились волосы на затылке. – Не здесь и не сейчас! Я думал, у вас тут следят, чтобы ничего подобного не было.

Она кивнула, криво усмехнувшись.

– Того, кто наслал сюда этих тварей, уже прихлопнули. И тварей в большинстве тоже повывели, но часть из них, как крысы, уцелела и до сих пор бесчинствует под малыми причалами. Только редко они выходят такими стаями, редко так нагличают, разве что их какая-то другая сила подзуживает? От них уберечься нетрудно. Я вот, например, даже сидя здесь, почувяла, что они разбушевались, и вышла вам навстречу. Мирко всем дал знать, что *мешочники* опять зашевелились, так что объявят на них охоту и живо повылавливают.

– *Мешочник*? Черт побери! Теперь я вспомнил: Джип страшил меня ими. Только он не объяснил, какие они, – видно, не хотел чересчур запугивать. Да и я тогда ещё был совсем новичок во всех ваших делах.

Украдкой я покосился на Дейва – тот запивал пивом вторую или третью порцию сливовицы.

– Слушай, Катика! Будь другом, мне надо встретиться с Джипом или с Молл. Мне они позарез нужны!

Катика покачала головой.

– Разве этих бродяг отыщешь? На одном месте им не сидится. Сейчас их тут нет, и в обозримом будущем они вряд ли появятся.

Сердце у меня упало. Если Катика говорит – «в обозримом будущем», она употребляет это выражение буквально. Значит, они могут не объявиться здесь ещё бог знает сколько времени.

Катика улыбнулась, прислонилась ко мне и ласково потрепала меня по ноге.

– Да не расстраивайся так, Стефан! Я распоряжусь, чтобы их искали. Конечно, это займет время. Но я всегда здесь, Стив. И я всегда тебе друг.

Она озабоченно взглянула на меня своими широко раскрытыми глазами. Её рука на моей ноге лежала легко и неподвижно – что-то обещая, но не возбуждая. А что если она сама – это загадочное создание – может мне помочь? Во всяком случае, дать совет или свести с кем-нибудь? Я посмотрел на Дейва, но у того мысли были уже, видимо, далеко отсюда. Шок и сливовица сделали свое дело – он потягивал пиво, глядя в пустоту, не обращая внимания ни на нас, ни на что другое.

– Понимаешь, – начал я, – дело вот в чем...

И я рассказал ей все, ничего не пропуская, кроме эпизода с Рангдой. У Катика, конечно, не было оснований ревновать, но мне показалось, что разумнее о Рангде не упоминать. И то, когда я рассказал, что спастись мне помогла какая-то девушка, в Катикиных глазах вспыхнула ехидная насмешка. Но она серьезно дослушала меня до конца, рассмеявшись, только когда я рассказывал про телеграмму, – наши современные средства связи всегда её почему-то смешили.

– Ну и что такое странное тебе пришло в голову?

Я нерешительно грыз ноготь.

– Да, странное... Понимаешь... Может, я просто сбрендил, но... раз перед нами какая-то необъяснимая преграда, то, может быть, повторяю – может быть... мы сумеем как-то её обойти? Раз преграда необычная, попробуем и мы преодолеть её необычным путем.

Катика кивнула, насторожившись, словно лисица.

– Ага! Через...

– Да, через Спираль! Отправим наш груз к востоку от заката. Выйдем за рамки обычного времени. Конечно, это трудно, наверное даже опасно, но вдруг нам именно так удастся доставить шлюзовые механизмы и компьютерное оборудование куда надо!

Я ещё не закончил, а Катика уже вытащила колоду карт, которые, видно, всегда носила при себе. На ощупь карты были такие же теплые и шелковистые, как её кожа. Она начала раскладывать их на столе. Три карты, которые я перевернул первыми, по-видимому, неприятно поразили её. Три картинки разных мастей, не было только пик. Катика снова перетасовала колоду и протянула мне. Я снял, как она велела, раз, другой и вздрогнул, когда Катика вдруг прижала карты к моим губам. Карты слегка пахивали ею. Я никогда не спрашивал Катика, откуда она родом, но догадывался, что оттуда, где моются редко, а мыло – роскошь. Когда-то я ухитрился всучить ей среди других подарков кусок дорогого туалетного мыла. Она приняла его благосклонно, но я подозреваю, что это сокровище ещё и сейчас собирает пыль в её спальне, в мансарде, ибо такой драгоценностью грешно пользоваться.

Теперь карты должен был раскладывать я – опять по три, и Катика снова нахмурилась, увидев короля треф и бубновую даму. Когда на стол легла вторая, я и сам на неё уставился, мне показалось, что лица на картинках вдруг изменились, словно по ним пробежала дрожь, они ожили, и взгляд их стал осмысленным. И взгляд этот мне не понравился. Казалось, их нарисованные глаза обвиняют, обличают. Они смотрели непримиримо, враждебно, неумолимо. Я вздрогнул, и, будто почуяв мое присутствие, эти глаза грозно уставились на меня.

Катика шлепнула по картам рукой.

– Попробуем ещё раз, – тихо сказала она.

Я снова стал сдавать карты, и первая же опять оказалась картинкой – валетом пик. Внутри у меня все похолодело. Когда-то я уже вытаскивал из Катикино колоды валета – валета бубен – и увидел в нем страшного противника, с которым мне потом довелось столкнуться, что чуть не привело меня к гибели. Впрочем, этот валет был самым обычным веселым карточным валетом. Впрочем, обычным ли? Почему-то при взгляде на него приходила на память приоткрытая дверь или чуть отодвинутая занавеска, из-за которой виднеется чья-то нога; что-то в этом валете было затаенное, лукаво-зловещее. Так бывает с комнатой, под полом которой спрятан труп; пока вы этого не знаете – комната как комната, а когда узнаете про мертвеца, она сразу меняется, хотя ни одна пылинка не сдвинулась с места. Так было и с этой картой, но Катика наконец присоединила её к остальным и убрала колоду.

– Нет, Стефан, ты не рехнулся, – тихо проговорила она. – В этом твоём деле против тебя объединились могучие силы. Это верно.

Я со вздохом откинулся на спинку скамьи.

– Так я и знал! Но кто? Конкуренты? Правительства других стран?

Она удивленно склонила голову набок.

– Нет, не они, Стефан. Я не могу поручиться, но, по-моему, тут что-то другое. Это не твои земные враги, с ними ты давно повстречался бы, ведь ты же сам мастер задавать загадки и хитрить.

– Но тогда кто? Где? Откуда?

Её ответ встревожил меня ещё больше. Подняв глаза к теням на потолке, она медленно описала рукой в воздухе круги – один над нами, другой вокруг нас. Дейв, будто его толкнули, очнулся, тихо выругался и сел прямо. Я его понял. Казалось, этим жестом Катика вызвала к жизни целый невидимый мир и он надвигается на нас.

– Точно я сказать не могу, – начала Катика, – но сердце мне кое-что подсказывает. Может, против тебя ополчилось множество сил, а может – кто-то один. Но я чувую, что твои враги там – за чертой, они прячутся в тени. Словом, эту стену, которую тебе надо пробивать, воздвигла Спираль.

– О господи!

Я откинулся на спинку скамьи, чувствуя, как тени обволакивают меня, но на этот раз не нашёл в них ничего умиротворяющего. Теперь я признался себе, что все время боялся чего-то подобного, но отгонял страхи, уговаривая себя, что это вздор. Ну какое дело силам, обитающим где-то за пределами пространства и времени, до моих ничтожных обыденных задач? Ни хорошего, ни плохого они желать мне не могут. А вот, оказывается, могут. Я схватил Катикку за руку.

– И кто же это? Или что? И ответь, бога ради, зачем им мешать мне?

– Этого мне знать не дано. Одно скажу – чем дальше к востоку, тем сопротивление тебе сильнее; только мне туда взглядом никак не проникнуть. Не знаю, что или кто это. Может, и больше, чем кто-то один. Ты же вытягивал сразу по три картинки.

– Значит, надо тебя так понимать, – я щелкнул пальцами, – потому мне и удалось наладить пересылку грузов только до Бангкока, но не дальше? Потому что на Западе они мне препятствовать не могли?

– Может, и так, – кивнула Катика. – Только помни, Стефан, – они на многое способны.

Тут принесли еду. Дружелюбная жабыя физиономия Мирко расплылась в улыбке над огромным, уставленным мисками подносом. Дейв слегка ожил, когда запах принесённого зашекотал ему ноздри, и начал наваливать себе на тарелку рис и всяческие морепродукты.

– Стив, а ты разве ничего не хочешь? – опомнился он, набив себе рот. – Фантастически вкусно!

– Нет, Дейв, – мягко ответил я, видя, чем он наполнил свою тарелку. Сам я взял себе маленькую шпажку с *husarjenspijtz*¹² и огненное от перца овощное рагу. – Ешь, ешь!

Дейв не раз издевался надо мной за то, что я не ем устриц, так пусть теперь полакомится морскими огурцами. Почему-то у меня не хватило духу предостеречь его.

Во всяком случае, мне было о чём поразмыслить после того, как пожар, вспыхнувший у меня в желудке от первой же порции наперчённых овощей, немного затих.

– Выходит, – горько заметил я Катике, – зря я надумал прибегнуть к здешним силам, чтобы переправить свой груз. Здесь меня тоже ждёт провал.

– Ты так думаешь? – подняла она брови.

– Ну а как же? Если все беды идут от Спирали, переправлять с её помощью контейнер – это значит соваться врагу прямо в пасть. Иначе говоря, до встречи с тобой мне казалось, что моя идея прямо блеск! Но можно ведь придумать и что-нибудь другое. Например, мы можем за свой счет зафрахтовать обычное торговое судно и отправить контейнер на Бали. Это, конечно, будет накладно, просто разорительно, но можно воспользоваться перевозчиком из какой-нибудь страны третьего мира, их правительство придёт в восторг. Можно даже отправлять груз частями на самолетах, хотя это обойдется ещё дороже.

– Ты что, всё-таки собираешься отправлять груз по Втулке – ну, по этой вашей Сердцевине? – Катика мрачно покачала головой. – Нет, если хочешь, чтобы твой корабль или самолёт, – она старательно выговорила необычное для неё слово по слогам, – уцелели и чтобы на твоей совести не было погибших моряков, то даже и не думай об этом! В открытом море с одиноким кораблем мало ли что может случиться, не говоря уж о машине, которая летает по воздуху.

– Ничего не случится, если не будут знать, что везут. А мы наш груз замаскируем, запутаем следы, как это умеют военные. Я сам буду сопровождать и никакой промашки не допущу.

– Нет! Никогда! – Катика в ужасе так затрясла головой, что русые волосы взметнулись. – Нет, нет, нет! Этого делать нельзя! Никак нельзя! Только не по Втулке! И не смей в одиночку! – Она впиалась в меня встревоженными серыми глазами. – Да, ты стал старше, повзрослел, но всё равно внутри ещё такой пустой, что потусторонним силам ничего не стоит с тобой расправиться. И тебе нечем от них защититься, у тебя нет нужных знаний, нет приёмов. Пока ещё нет. Они ведь показали уже, что могут напасть на тебя и на Втулке, и на её отрогах. Если они забираются так далеко, твой груз они всяко отыщут, маскируй его не маскируй. – Она поколебалась. – Как бы это сказать... если ты сам поедешь с грузом, ты только будешь для них мишенью.

Я расстроился.

– То есть как было с волками? Господи! Я думал, такие страсти не повторяются.

– Такие открытые, такие наглые – да, это редкость! Скорей всего, на тебя поведут атаку исподтишка, в каком-нибудь захолустье на отрогах Втулки, и, конечно, ночью. Но нападут обязательно, и тогда будет ужас что! – Она задумалась, уставившись в огонь очага, как будто там, в пламени, таились воспоминания о древних злых силах. – Нет, на Втулке ты ни в море, ни в воздухе не спасёшься от них. Здесь, на Спирали, конечно, они ещё сильнее, но здесь такой простор, что им будет трудней искать добычу и энергии они затратят больше. Твой груз придётся охранять на каждом шагу – но к этому тебе не привыкать. А самое главное – здесь, на Спирали, у тебя найдутся и союзники, если только сумеешь их отыскать. Тебе понадобятся их помощь и советы – помощь тех, кто обладает умением и знанием.

– Разве я уже не встретил такого помощника? – посмотрел я на неё.

Катика улыбалась всегда, но смеялась редко. И сейчас её смех показался мне нервным, будто я бросил ей вызов.

¹² Гуляш (голл.).

– Нет, в этом я тебе не помощник. Да, я кое-что умею, но это касается других вещей. Про Восток я ничего не знаю. Тут нужен кто-то помудрей меня.

Я вспомнил о старике, которого откопал в свое время Джип.

– А как насчет Ле Стрижа?

– Нет! – Она обхватила себя руками и сердито передернулась.

– Я знаю, он старый негодяй, даже убийца, – сказал я, – и от него пованивает, да что я говорю – он просто смердит. Но на всякие фокусы он мастер!

– Нет! Я тебе сто раз говорила, что это страшный тип, а ты никак не возьмешь это в толк! Но его всё равно сейчас здесь нет. А если б и был, он не стал бы тебе помогать.

– Но я мог бы ему хорошо заплатить.

– Это я знаю. Но какой монетой? Придётся платить тем, чего тебе лишиться никак нельзя! Он помогал тебе раньше только потому, что был должником Джипа. Да ещё он боялся за свои владения. А тебе он ничего не должен, скорей наоборот! Во всяком случае он так считает. А твой долг он может востребовать сразу. Ты к этому готов?

Я подумал с минуту, а потом отхлебнул сливового бренди.

– Вот так-то, – проворчала Катика, и её акцент почему-то стал гораздо заметней. – Словом, выбрось этого мерзкого старика из головы, а то он тебе на шею сядет. Да и насчёт Востока он не силён. А тебе нужен тот, кто в восточных делах хорошо разбирается. Только таких знатоков здесь, на Западе, мало. – Она поразмыслила ещё. – Есть, правда, один, с кем можно посоветоваться. Несколько месяцев назад он сошел с судёнышка, приплывшего с Пряных островов. Он держится особняком, ничьих советов не ищет, но вроде бы довольно дружелюбный, да и *Всеведающие* о нем хорошего мнения. – Она усмехнулась. – Может, потому, что он не такой могущественный, как Ле Стриж. Но зато и не такой опасный.

– Ну так ты сведёшь меня к нему?

Она снова вздрогнула, обхватила себя обеими руками.

– Даже к самым слабосильным из них являться – дело опасное, тревожить зверя в его логове. Но... – и Катика закрыла глаза, будто борясь сама с собой, – но ради тебя, Стефан, я пойду на риск. Когда вы поедите, мы поедем на твоём автомобиле искать его.

Когда мы выходили из таверны, Дейв задержался на верхней ступеньке, воинственно оглядывая пустую улицу, и только после этого быстро скользнул в машину. Я с некоторой грустью оглядел помятое крыло и облупившуюся краску, гадая, что ещё могло пострадать. Но тут же решил, что, судя по всему, мне придётся отлучиться недели на две, а за это время все поломки исправят. Дверь таверны скрипнула, и к нам медленно спустилась Катика. На ней был поношенный плащ и берет. В этом одеянии она со своей физиономией лисички напоминала особ, которые в фильмах сороковых годов прогуливались под фонарями. Она тоже боязливо огляделась.

– Прохладно, – проговорила она, хотя, по-моему, вечер был весьма теплый. – Нельзя поднять верх?

Когда верх был поднят, я развернул машину, следуя её указаниям. Сидящий сзади Дейв вскрикнул с радостным изумлением, когда по её наводке мы снова оказались на Дунайской улице и устремились к району, где реставрировали старый порт.

– Это далеко? – спросил я.

– Для меня – очень, – только и сказала Катика тонким напряжённым голосом.

Я взгляделся в неё. Она сжалась на сиденье, а её лицо в желтом свете мелькавших мимо фонарей казалось бледным и кожа напоминала туго натянутый пергамент.

– Тебе нехорошо? – спросил я, вспомнив, с каким сомнением относился Джип к езде на машине. – Может, ехать помедленней?

– Чем скорей, тем лучше. Просто я не часто выхожу. Почти не вылезаю из таверны. – Её голос упал до монотонного шепота, и она безразлично смотрела на пронесившиеся мимо

вульгарные лавчонки и быстро, будто пытаясь представить себе, как они выглядели когда-то в их прежнем существовании. Она ничего не говорила по этому поводу, иногда только коротко указывала, куда ехать, а я вместе с ней ощущал тягостный гнёт времени. Казалось, Катика всё такая же, но её как будто окутали пыльной паутиной все прожитые ею годы. Сперва я решил, что это шок от встречи с иной культурой – шок от перемен, какие произошли с тех пор, как она бродила здесь в последний раз, бог знает когда это было. И меня, оказавшись я на её месте, такие перемены повергли бы в шок и уныние. Но когда она пробормотала, куда повернуть, так неразборчиво, что я проскочил поворот и, миновав целый квартал, вынужден был вернуться, я заподозрил, что с Катикой творится неладное. В конце концов мы выехали на улицу, затемнённую высокой мрачной стеной. В едком сумраке, точно красные мазки, мигали тусклые огни уличных фонарей. Катика, едва увидев эту стену, вся сжалась в комок и не желала ни поднимать глаза, ни даже отвечать на самые пустячные вопросы.

– Знаешь, что за этой стеной? – вылез с разъяснениями Дейв. – Сейчас здесь музей, а когда-то – три сотни лет назад – тут была тюрьма. – Он усмехнулся: – А во дворе вздергивали на виселицу ведьм.

Катика неожиданно энергично выпрямилась.

– Да, а немного дальше – в квартале отсюда – торговали черными рабами! – выкрикнула она прямо в лицо Дейву. Я дернулся, но Дейв был сам виноват, правда относительно ведьм он был особенно чувствителен, ведь общество, в котором он рос, долгие века занималось охотой на ведьм. Надо отдать ему должное, он никак не отозвался на Катикин выкрик, только уселся поглубже.

Вероятно, он, как и я, был удивлён, обнаружив, что, следуя Катикиним указаниям, мы подъезжаем к центральному железнодорожному вокзалу. В шестидесятые годы все старые здания здесь были снесены, а на их месте выросли новые железобетонные громады, так что всё кругом было в неприглядных выбоинах. Я представить себе не мог, чтобы где-то здесь оказалось логово восточного мудреца. Ещё больше я удивился, когда краткие Катикины указания вывели нас на улицы, тянущиеся вдоль сортировочных станций.

Больше половины здешних строений, относящихся ещё к эдвардианской эпохе, были совершенно заброшены. Мы ехали мимо пустующих паровозных депо – круглых крепостей из грязного желтого кирпича, на стенах которых до сих пор красовались яркие плакаты и разноцветные граффити, как на стенах нью-йоркского метро. Я вспомнил, откуда здесь реклама – когда-то в этом здании ненадолго устроили театр, потом этнический культурный центр. Потом директора растратили полученные ими гранты. После этого никто не решался вернуть к жизни старые здания сортировочной станции. Все они пришли в запустение, ожидая, когда отыщется какой-нибудь отчаянный подрядчик, чтобы модернизировать их.

Мне так и чудилось, что где-то здесь ютятся Ле Стриж, и я понимал, что скорей всего как раз тут мы и будем искать того, кто нам нужен.

Но Катика велела ехать дальше по широкой улице в самый конец сортировочных станций. Дорогу тускло освещали редкие уличные фонари, по одной её стороне стояли административные здания из стекла и бетона, по другой тянулась бесконечная металлическая сетка, у подножия которой росла трава, а поверху была пущена колючая проволока. За нею виднелись железнодорожные пути, ржавевшие без употребления. Катика, очевидно, хорошо изучила эту проволочную изгородь, потому что вдруг махнула рукой, чтобы мы остановились.

– Приехали! – сказала она и на миг закрыла глаза.

Я выключил мотор и огляделся. Железнодорожные пути, здания контор и больше ничего. Однако, когда мы вылезли из машины, Катика направилась к дыре в проволочной изгороди, грубо замотанной более частой, сильно заржавевшей проволокой. Катика довольно неуверенно дотронулась до нее, и сетка откинулась назад. Подняв брови, я посмотрел на Дейва. Он на меня.

– Владения железной дороги, – сказал Дейв. – Когда я был мальчишкой, мне запрещали играть на путях. Я и сейчас не уверен, что так уж хочу туда. Если ты не возражаешь, я предпочел бы подождать вас в машине и заняться самоусовершенствованием.

Катика кивнула.

– Так, пожалуй, будет лучше, – равнодушно проговорила она.

Но Дейву, как всегда, требовалось оставить последнее слово за собой.

– В конце концов, – добавил он, снова усаживаясь в машину, – надо же будет кому-то платить за вас выкуп! Или опознать трупы. Ну, желаю повеселиться!

Осторожно, стараясь не зацепиться за торчащие концы проволоки, мы пролезли в дыру. За забором видно было ещё хуже, чем на дороге, – какие-то жалкие проблески света. Выделялись только развалины старого кирпичного виадука, к нему вело целое сплетение давно заброшенных железнодорожных веток. Теперь, когда виадуком никто не пользовался, фермы моста убрали, остались только две наклонные опоры, они одиноко возвышались в конце железнодорожного парка, среди деревьев и сорняков. Ржавые обломки рельсов и ферм моста заплел вьюнок, они заросли шиповником, крапивой и щавелем и напоминали колонны какого-то древнего храма, руины, скрытые в джунглях. Виднеющиеся за ними уцелевшие кирпичные опоры смотрели друг на друга, будто разрушенные ворота – таинственный проход в загадочное царство зелени.

Переступая через рельсы, мы с осторожностью направились к этим воротам. Мне в детстве тоже запрещали играть на путях, но раз или два, подначиваемый другими, я рискнул послушаться. Я помнил, как скрипел под ногами гравий, какими дряхлыми и полуразвалившимися казались стоявшие на сортировочной старые вагоны, какими ржавыми были рельсы и стыковые накладки; блестели только стрелки. Помню также, как я прыгал и скакал по ним, воображая, что при внезапном переводе стрелки моя нога застрянет и я услышу тихий рокот, металл под мой задрожит, потом загудит земля и все заполнит оглушительный грохот. Я и сейчас почувствовал, как пот защекотал мне шею под воротником, хотя и понимал, что здешние стрелки уже никогда не сдвинутся с места, разве что их своруют и продадут скупщикам металла. Да и боялся я сейчас не ревущего, надвигающегося поезда, а чего-то непонятного, ужасного и бесформенного, что таилось где-то рядом. Я был достаточно знаком с этим миром, чтобы знать – Катика не преувеличивает: того, к кому мы идем, действительно рискованно тревожить в его логове; только знать бы кого?

Для этого таинственного существа годилось лишь одно определение, но я тщательно его избегал. Ещё несколько дней назад, забыв среди обычных забот все страхи, с которыми я здесь столкнулся, я бы посмеялся над этим определением. Но сейчас оно ничуть не казалось странным. Оно было таким же темным, твёрдым и опасным, как здешние рельсы.

Колдун.

Когда мы миновали последний железнодорожный путь, Катика негромко прокричала что-то, и мы стали ждать. Никто не откликнулся. Она поколебалась, хлопнула в ладоши и пошла дальше. Дойдя до зеленых зарослей, мы ещё раз крикнули, уже вдвоем, но опять никто не отозвался, только где-то далеко, в той части сортировочной, которой ещё пользовались, раздался стук колес идущего поезда.

Тут довольно скверно пахло, но мы смело прокладывали дорогу через заросли, раскидывая мусор. Заросли, как и казалось издали, были едва проходимы. Шиповник и утёсник цеплялись за мои джинсы, с листьев на голые ноги Катика капало. Две уцелевшие половины арки выросли перед нами, и, покричав ещё раз, мы прошли между ними.

И тотчас врезались в стену тумана.

Но где-то рядом кто-то выкрикнул всего одно непонятное слово:

– *Ayang!*

Мы с Катикой вздрогнули и чуть не потеряли друг друга. Я в ужасе стал тыкать рукой в воздух.

– Катика!

Её худая рука сжала мою.

– Тихо!

Туман рассеялся, и я увидел её серые глаза – опять живые и веселые, словно с них смыли усталость.

– Вот этот туман и преследовал тебя на Востоке?

– Похоже! Но что...

В тумане взвилась узкая яркая полоска, и у самого моего уха, прежде чем я успел двинуться с места, что-то пропело – я даже не понял что. Прорезав туман, полоска с громким стальным звуком стукнулась о камень и задрожала. Стрела! Длинная стрела, унизанная яркими перьями.

– Назад! – крикнул я и дернул Катикку за руку. Но куда назад? В тумане пропело ещё несколько стрел, но уже не так близко. Туман продолжал клубиться вокруг нас, лишь изредка позволяя увидеть серые камни и клочки серого неба и тут же скрывая их, так что сориентироваться нам никак не удавалось. Свет был ровный, понять по нему, где мы, было совершенно невозможно. Бриз куда-то исчез. Вообще, куда делся мягкий теплый вечер? На нас навалилась жара и влажная духота. В Бангкоке я не замечал этих контрастов, а здесь они поражали. И вдруг камни подо мной дрогнули, словно рядом уронили что-то тяжелое, мешок с картошкой например, или грузно ступила чья-то чудовищная, массивная нога. Голова у меня закружилась от злости и страха, и я уже дернулся бежать, но Катика удержала меня.

– Не смей! – тихо скомандовала она. – Мы пока не поднялись и на три ступени, путь к отступлению открыт. Но если мы сдвинемся с этого места, опять мы его вовек не найдем.

– Но если мы не будем двигаться, то... Меня уже чуть не подстрелили.

Я всячески старался внушить себе, что мне страшно нужен мой меч, очень нужен, прямо сейчас.

Но ничего не случилось.

Только опять запели стрелы. Казалось, их пучками выпускают просто наобум. Но вот ещё одна пролетела в неприятной близости. Камни у меня под ногами дрожали. Я нагнулся и выбрал один побольше, примерно с кулак. Подняв его, я с удивлением обнаружил, что это фрагмент какого-то барельефа и на нем изображена издевательски ощеренная физиономия. Неважно! Это может послужить неплохим оружием против местных шутников. И тут почва опять сотряслась – раз, другой... Господи! Чья же это такая мощная поступь?

В облаках тумана возникла громадная сутулая фигура, вся в блестящей металлической чешуе, украшенной цветными ленточками, которые, как фантастические знамена, развевались в такт тяжкой, мерной поступи. Увидев эту фигуру, Катика поднесла ко рту сжатый кулак, но тут же широко раскинула руки и громко закричала. Она выкрикивала какие-то слова, но не на своем непонятном славянском языке, а на другом, похожем на звучный итальянский или на латынь. Туман вдруг резко раздвинулся, будто его размешала чья-то огромная рука, на мгновение стали видны каменные плиты – потрескавшиеся и зеленые от мха, серая стена, покрытая сложными рисунками, а дальше густая, переплетенная листва. И тут же туман снова накрыл нас, как волна прибоя.

Однако сквозь него к нам что-то прорвалось. Не стрелы на этот раз, а две руки. Правда, назвать их руками было трудновато – каждая пятерня казалась вдвое больше ладони обычного человека. Тяжелые, поросшие волосами, сквозь которые просвечивала розовая кожа. Костяшки пальцев как бильярдные шары. Руки больно стиснули нас. Не успели мы и пискнуть, как нас схватили за плечи и, несмотря на наше отчаянное брыканье, подняли высоко в туман.

А потом бросили. Я частично приземлился на Катику, что, во всяком случае для меня, было неплохо, а частично...

Туман над нашими головами вспыхнул и стал розовым, что-то лопнуло, как будто раздался приглушенный взрыв. Туман совсем рассеялся, и перед моими глазами поплыла темнота. Я стал ощупывать землю под ногами – сыро, трава, никаких камней. Я поднял глаза – за покачивающимися кустами темнели рельсы, а по обе стороны от меня красовались два башмака необъятных размеров. Надо мной же, заслоняя небо и желтый свет натриевых фонарей, нависла удивительная фигура – грузная, квадратная и сутулая. Великан, вытянув над нами руки, прикрывал нас с Катикой. Мощные пятерни были те самые, что схватили и подняли нас, но только теперь над ними виднелись рукава – великан был одет в какую-то шинель. В каждой руке он держал по длинному прямому пруту, а на концах этих прутьев плясали бледные розоватые огоньки, но, пока я смотрел на них, они угасли.

С минуту все было тихо, потом, глухо закричав, великан снял с покатых плеч большой длинный посох, который нес как коромысло.

– Dood ok ondergang!¹³ – прорычал он низким басом. – Теперь эти твари попрыгают! Ишь чего вздумали – выкидывать номера прямо на ступенях моего дома!

Ещё раз утробно крикнув, он опустил плечи и дал посоху соскользнуть на землю. Раздался глухой удар, будто посох был из свинца. Великан обхватил нас, чтобы помочь подняться; руки определенно были те же самые, что вытащили нас из тумана, но так же определенно тогда они были голыми, хотя времени одеться у великана явно не имелось.

– А! – загремел его голос. – Да это крошка Кэт! Как это тебя занесло так далеко от твоей таверны? – Толстый палец, величиной со средних размеров банан, игриво ткнул Катику под ребра. – А это что такое?

Этим «что» был я.

– Хороший человек, – чуть дрожащим голосом объяснила Катика. – Мой друг. Ему нужен твой совет. Я за него ручаюсь.

– Человек? А я подумал – сушилка для белья. – Толстый палец подхватил мой галстук, им полюбовались, а потом галстук был закручен, как спагетти. – Такую пестроту я видел только раз, когда опрокинулась телега с канталупами.¹⁴

– Он разрисован вручную, – несколько напряженно проговорил я, снова расправляя галстук на груди. Я очень им гордился. – Самим Говардом Ходджином.¹⁵

– Ты уверен, что он разрисован руками? Мне, черт побери, кажется, что этот Ходжкин пустил в ход другую часть тела! Ну да ладно, плевать! Пошли!

Когда я стряхнул с себя пыль и выпрямился, я был поражен, обнаружив, что великан вовсе не великан. Если бы он расправил плечи, то всё равно оказался бы чуть ниже меня, но он так сутулился, что едва доходил мне до плеча, и двигался тяжело, как старик. Опираясь на свой посох, он провел нас через проход, образовавшийся из развалин виадука, и мы очутились в маленькой рощице. Наш хозяин приподнимал посохом тяжелые ветви на нашем пути, а мы, пригибаясь, продирались сквозь заросли и наконец оказались в месте, укрытом от посторонних взоров. Похоже, хозяин следил за порядком – здесь земля была кое-где возделана, на ней рядами росло что-то, и на табличках указывалось, что именно, а под деревьями над пяточком земли сплетали ветви шиповник и другие кусты, образуя надежную крышу. Под ней стояли полуразвалившиеся сиденья и диваны из старых железнодорожных вагонов, служившие, по всей видимости, стульями и кроватями, а посреди поляны, среди почерневших камней, пылал

¹³ «Смерть и гибель!» (голл.), или «Гром и молния!», или просто «Проклятие!»

¹⁴ Канталупа – мускусная дыня.

¹⁵ Известный современный художник-модернист.

небольшой костер, тут же были сложены поленья и хворост. Все выглядело очень аккуратно и ничуть не напоминало обиталище бродяги.

В свете костра я смог лучше рассмотреть нашего хозяина, пытаясь выбиравшегося из зарослей. Кого я ожидал увидеть? Какого-нибудь усохшего древнего сэнсэя? Гуру без единой морщинки на гладком лице? Востроглазого мандарина? Или монаха из Шангри-Ла? Никого из них наш хозяин даже близко не напоминал. Трудно было сказать, сколько ему лет, но во всяком случае даже в молодости красотой он вряд ли отличался, а сейчас выглядел этаким застарелым бедолагой. Раскачивающаяся походка напоминала поступь бывалого моряка, а может, он ходил так, потому что у него были кривые ноги и сутулая спина. Он не рядился ни в шафранного цвета халат, ни в пестрый камзол. Одет он был скорее так, как одевались старые моряки, – промасленный свитер с выцветшими полосами, холщовые штаны, побелевшие от соли, и что-то вроде длинного бушлата. На голове его красовалась остроконечная синяя брезентовая шапка; словом, его можно было принять за матроса, ставшего бродягой, только выглядел он аккуратно. И чем-то напоминал Ле Стрижа, хотя в то же время был совсем другим.

– Вот и мой маленький домик, – ухмыльнулся он, обводя рукой свои владения, и вдруг круто повернулся ко мне. – Ну, «хороший человек», Катику-то я знаю, а как тебя зовут, ещё не слышал. Как твое имя?

– Стивен. Стивен Фишер.

С минуту он смотрел на меня как-то оторопело, словно в нерешительности, потом кивнул и швырнул в костер охапку хвороста.

– А моё имя, – сказал он, – во всяком случае то, которое тебе следует знать, Пендек. Но можешь звать меня Шимпом – меня все так зовут.

Это имя подходило ему как нельзя лучше. Я приглядывался к нему, освещенному костром: большеголовый, с серовато-бледным лицом, курносый, с тяжелой, насколько я мог судить, челюстью – её скрывала косматая рыжая борода, поднимавшаяся от воинственно выдвинутого вперед подбородка до самых скул, – кустистые рыжие волосы торчали за отвислыми ушами. Для полного сходства с настоящим шимпанзе ему не хватало только тяжелых надбровий – их у него не было: над бровями начинался покаты́й лоб, на который из-под остроконечной шапки падала спутанная рыжая челка. Трудно было понять, откуда он родом, но одного взгляда на его глаза хватило, чтобы догадаться. Глаза были большие, но узкие, жители Запада ошибочно называют такие глаза раскосыми. Глубокие, точно пруд в джунглях, они холодно поблёскивали, в них светился ум. Ещё один евразиец, хотя ничуть не похожий ни на Джеки, ни на ту девицу – Рангду.

Шимп подвел нас к скамьям.

– Ну давайте седлайте эти стулья. Ха-ха!

Когда он проходил мимо меня, я потянул носом – во всяком случае от него не несло так, как от Ле Стрижа. Я ощутил резкий звериный запах, смешанный с ещё более сильным запахом табака, – смесь эту нельзя было назвать неприятной в отличие от аромата, который распространял вокруг себя Ле Стриж. Однако вечерний бриз приносил сюда совсем другие запахи – ничуть не похожие на пропитанный металлом воздух сортировочной. Здесь, на полянке, пахло так, будто солнце совсем недавно перестало пригревать листву. До меня донесся аромат пряностей и древесного дыма – дыма какого-то далекого костра, не этого тихо потрескивающего перед нами. И, учуяв эти запахи, я уловил ещё что-то странное – откуда-то долетали едва слышные голоса, будто стоило только раздвинуть ветки деревьев, и я увидел бы дымки над крышами хижин и услышал громкий смех играющих детей.

Шимп, видимо, заметил, что я прислушиваюсь. Он усмехнулся, борода раздвинулась, обнажив крепкие зубы, способные разгрызть грецкие орехи. Он вытащил короткую просмоленную трубку, сунул её в рот и покачал головой.

– Мы здесь одни.

Он прикурил от тлеющего сучка, и едкий запах табака тотчас заглушил все прочие.

– Ну, «хороший человек» Фишер, что же привело тебя искать совета у Шимпа?

Я осторожно подбирал слова, рассказывая ему то, что уже сообщил Катике. Сперва, услышав, кто я и что это за проект, он удивлённо поднял брови. Пока я говорил, он помалкивал, только выпускал изо рта сквозь сжатые зубы клубы дыма, но я всей кожей чувствовал, что атмосфера между нами становится холодней. Костер потускнел, огонь потух, только спекшийся табак в трубке вспыхивал под прикрывающим его большим пальцем, а в самой трубке булькал конденсат табачного сока. Когда я в своём рассказе дошёл до угрожавшей нам злобной маски, он выпрямился, сплюнул в угли костра коричневую струю, но не промолвил ни слова. Я досказал всё до самого конца – о том, как меня спасла девушка, о том, что нагадала мне на картах Катика, а Шимп всё молчал, только ещё дважды пыхнул трубкой, потом внезапно выбил её о каблук и засыпал искры землёй.

– Не могу взять в толк, зачем я-то тебе понадобился, – сдвинув брови, проговорил он. – Да пошли они к Дьяволу, все эти проекты оказания помощи! Niteander¹⁶ вечно лезут не в своё дело, суются в то, в чём ни черта не смыслят, и только хуже всё запутывают. И вечно эти проекты кому-то выгодны, а кто-то от них страдает. Народу они, видите ли, хотят помочь. Народу, а не тем жирным котам, которые на таких проектах наживаются, нет! И не конторским мальчикам, что вы! Чем они ласковей, чем более лилейно-невинными прикидываются, тем они опаснее. Так что, *mynheer*¹⁷ Хороший человек, ответь мне вот на какой вопрос: почему это дело так интересует лично тебя? И назови мне хоть одну причину, почему я должен для тебя шевельнуть хотя бы одним пальцем?

Если бы я легко выходил из себя, я не был бы профессиональным коммерсантом.

– Что ж, в том, что вы говорите, есть доля истины. Некоторые проекты оказания помощи только масла в огонь подливают, ну, например, все эти гигантские плотины и тому подобное. Но наш – совсем другое дело. Я хорошо себе представляю альтернативы и понимаю, чем они грозят живущим на острове. И вот вам мой ответ: наш проект не сулит выгоды никому, кроме населения Бали, а уж мне и вовсе ничего. И это сущая правда.

Великан саркастически хмыкнул, набил опустевшую трубку и принялся снова её раскуривать.

– Ah, jawel.¹⁸ Такие, как ты, работают за деньги – хотят иметь быстрые машины, красивую одежду и девушек – *nie?*¹⁹ Такие мужчины внутри пусты, те, кто в этом разбирается, видят этих мужчин насквозь, как стеклянных, видят их мысли и чувства, которые никого не согревают. И вдруг такого вот человека обуревают жалость к бедным и неимущим – до того он их жалеет, что готов очертя голову пойти ради них на любые опасности, хотя и понятия не имеет, каковы они. Нет, *erg moeilijk te gelofen, knuli!*²⁰ Убери его отсюда поскорей, Кэт, не то я за себя не ручаюсь.

Я расхохотался, наверное, довольно злорадно, потому что Катика предостерегающе взяла меня за руку. Но она боялась напрасно. Я знал, что ему ответить.

– Ладно! – резко отрубил я. – Ладно! На этот раз вы правы – я в этом деле заинтересован лично, и даже по двум причинам. Во-первых, в этом проекте участвует человек, которого я знаю и которому желаю добра. Можно сказать, что я этому человеку обязан. Но дело не только в этом. Я заинтересовался проектом ещё до того, как увидел её... фамилию в списках.

Катика бросила на меня более чем пронизывающий взгляд. Шимп хмыкнул, выпустил клуб дыма и ничего не сказал.

¹⁶ Иностранцы (голл.).

¹⁷ Мистер (голл.).

¹⁸ Ага, ну ладно (голл.).

¹⁹ Не так ли? (голл.)

²⁰ Трудно поверить, парень! (голл.)

– Значит, я совсем пустой, говорите? Это вы мне в лицо бросили. Не вы первый! Думаете, я не слышал этого от куда более прожжённых типов, чем вы? И я мог бы кое-что сказать о них. Но, может, вы правы – я добился успеха в своем деле, большого успеха. Не многие мои ровесники входят в правления фирм, не говоря уже о том, что я заместитель начальника. Но, наверное, за это я расплатился другими потерями, я видел, как такое случалось с людьми, которых я знаю. Может, я просто такой же упёртый трудоголик, как они. Но я не хочу идти их путём! А с другой стороны, отбросить всё, что я сделал, забыть всё, чему научился, – тоже нелепо. Я бы выбросил всё на ветер. Вот я и решил – если найду, где можно применить мой опыт, то выпутаюсь из этого клубка. Заключу договор, пушу в ход всё, в чём поднатерел, на доброе дело – действительно доброе.

– Bravo! – тихо зааплодировала Катика.

Я взглянул на тучную фигуру Шимпа, сидевшего скрестив ноги, будто довольно потрепанный Будда под фиговым деревом.

– И вы могли бы в этом деле поучаствовать, а не просиживать зад и брюзжать.

Катика впилась в мой рукав, но Шимп будто меня не слышал, и всё же я почувствовал, что он колеблется, не знает, на что решиться. Он ещё раз затынулся, покопался рядом с собой и пригнулся к костру, словно хотел подкинуть в него полено.

Только бросил он не полено, а пригоршню порошка, напоминающего белый песок. Язычки пламени взметнулись, костёр с рёвом вспыхнул, огонь рванулся к нам, как большая рука, протянувшаяся между нами. Трава побурела, нижние листья на деревьях затрещали и скукожились. Я чувствовал, как обжигающее дыхание костра касается моих щёк, и на меня пахло палёным. Я вскочил, но Катика ухватила меня, потянула вниз, усадила и не давала встать. Когда я снова сел, огонь ослабел, потом с треском, будто что-то взорвалось, снова полыхнул, ослепительно, точно фотовспышка, свет был сперва белоснежный, потом в нём заколебались какие-то радужные оттенки, но тут же пропали. В этом освещении на поляне произошло кошмарное смешение контрастов – резкий свет и мятущиеся, сумрачные тени. Лицо Катика, сидящей рядом со мной, вдруг изменилось, превратилось в удивлённое личико светловолосого ребёнка, потом черты снова затвердели, все линии на нём углубились, выступили, словно нанесённые резцом морщины – свидетельства прожитых лет и умудренности, волосы в свете сверкающего ледяным блеском костра казались жидкими, потерявшими цвет, и сама Катика вдруг обрела облик дряхлой старухи, но огонь тут же замерцал, начал гаснуть, и старуха обернулась прежней Катикой – закаленной жизнью женщиной лет двадцати пяти – тридцати. Однако спустя мгновение огонь запылал с новой силой, и Катика осветилась изнутри, как статуэтка из молочного стекла, теперь она была видна насквозь. И всё это время она не спускала глаз с меня, и я понял по её взгляду, что такие же перемены происходят и со мной.

Пламя немного ослабло, и я снова увидел Шимпа. Он сидел, так же откинувшись назад, как и прежде, внимательно глядя на нас своими острыми чёрными глазами. Одного его не коснулся разоблачающий свет. И вдруг он посмотрел вверх, на деревья у меня над головой. Катика тоже подняла глаза, и я скорее почувствовал, чем услышал, как у неё перехватило дыхание. Пламя метнуло мою тень на высокие стволы, но, качаясь под тёплым ветром, они разорвали её на две части – на огромные, неясные тени, неподвижные и не меняющиеся, несмотря на игру света. А между ними вдруг заплясала третья тень, поменьше и не такая отчётливая. Квадратная, скрюченная, это могла бы быть тень Шимпа, но тот сидел по другую сторону костра, и его тень была нам не видна.

Он снова протянул руку и жестом сеятеля кинул в костер какие-то пыльные крошки. Огонь тотчас перестал потрескивать и погас. Снова стало тепло, и ветерок опять принёс пряный запах.

Трубка у Шимпа потухла. Он выбил её о каблук и вдруг обратил на меня сосредоточенный, серьёзный взгляд.

– Я увидел то же, что и Кэт, – пророкотал он. – И ещё кое-что. Это правда – силы Спирали против тебя и против твоего проекта. Верней говоря, тебе противостоят даже две силы. Обе весьма могущественные и независимые, но они объединяются, не давая тебе проникнуть на Восток. Одна с Востоком и связана, а другая, – он мрачно покачал головой, – другая обладает большой властью – может окутывать тебя туманом, заманивать туда, где царствует, там она может всласть давить и мять тебя. Но она – эта сила – не способна долго и слишком часто пользоваться своими чарами, иначе они подстергали бы тебя за дверью всякий раз, когда тебе захотелось бы помочиться! Ха-ха! Она постаралась помешать тебе встретиться со мной, да ничего у неё не вышло. Но у неё хватит духу напасть на тебя даже в Сердцевине, она использует то, что у неё под руками. Она ведь уже пыталась перебросить своих подручных сюда, минуя *Высших*, — пее? ²¹

– Пыталась, да ничего у неё не получилось, – воскликнула Катика. – Некоторые недоумки вечно норовят устраивать всякие глупости. Только их всех изловили и уничтожили. Так на путях сейчас никакой новой нечисти нет. Все те же *мешочники*, *трупокопатели*, *канавицики* — все, что уже водилось прежде.

– Неизвестно, может, кто-то пробрался незаметно и остается невидимым, готовый в нужный момент нанести удар.

Я тихонько присвистнул, чтобы стряхнуть навалившиеся на меня страшные воспоминания.

– Что-нибудь вроде *души*?

Шимп взглянул на меня, склонив голову набок.

– А что ты про них знаешь?

– Это длинная история. Когда-то я помог обнаружить одну такую тварь и расправился с тем, кто её притащил.

Шимп посмотрел на Катика, та утвердительно кивнула, а он удивленно покачал головой.

– Вот оно что! Но я думаю о менее опасных и менее мощных силах. Они не могут действовать самостоятельно. Иначе *Высшие* мигом выкинули бы их вон. Чем ты мельче, тем легче спрятаться. Но ночью, когда человек один и устал, даже мелочь опасна, особенно если ты не ждёшь встречи с этой дрянью.

Шимп тяжело поднялся, порылся в кармане и вынул чешуйчатый кожаный кисет. Каждая чешуйка была крупнее ногтя на моём большом пальце. Он со скрипом растёр табак в заскорузных ладонях, набил трубку и нагнулся, чтобы прикурить от костра.

– Там ещё и третья тень была, – напомнила Катика.

Шимп быстро выпрямился и задымил.

– Заметила? И что это, по-твоему?

Катика задумалась.

– Это тоже опасный третий враг, Стефан, – наконец тихо проговорила она. – И он ближе, чем другие. Больше связан с твоим миром, со Втулкой, или, во всяком случае, он где-то рядом. Но пока – пока он затаился. И бездействует. Только нельзя о нём забывать.

– Мне говорили о каких-то террористах, – сказал я. – Но пока о них не слышно было. Может, это они?

– Может, – неопределенно промолвил Шимп. – Очень даже может быть.

– Вот террористов ещё не хватало, чёрт бы их побрал, – сжал я кулаки. – Ну как же переправить груз, да ещё без всякой помощи?

– Никак, – коротко припечатал Шимп. – А моя помощь разве не сойдет?

– Ваша? – раскрыл я рот, уставившись на него.

²¹ Не так ли? (голл.)

– Именно, – отозвался он. – Не знаю, как там твой проект, но ты, мне кажется, парень искренний. Может, я помогу тебе советом, может, чем другим, – увидим. Так что давай сядем и всё обсудим, идет?

Усевшись на скамьи, мы погрузились в беседу. Шимп отравлял вечерний воздух своим дымом и чертил корявыми пальцами в траве какие-то затейливые фигуры.

– Я с Катей согласен, – рокотал он. – Твоим врагам поддерживать против тебя заслон трудно, отнимает много сил, много тапа. ²² Если раз через него прорваться, они дольше не выдержат. Их баррикада лопнет, как презерватив!

– Что?!

– Ну, как воздушный шар, knul! ²³ Самое умное, что ты можешь сделать, – не пытаться прорваться со всем грузом сразу. Действуй помаленьку, сперва возьми немножко и дуй на прорыв, прокладывая дорожку!

– Начну с одного контейнера – это самое малое, что можно отправить. Наверное, контейнер с компьютерным оборудованием – он уже готов и ждёт пересылки. Но он хоть и маленький, а весит он о-го-го! Несколько тонн!

– Тем труднее его выкрасть, *nee*? – Шимп задумчиво расчесал пятерней бороду. – Главная опасность для тебя в двух местах – здесь, раз им известно, что ты тут и контейнер тоже тут. Скорей всего, они пронюхали о контейнере или знают, куда ты его отправишь. Может, они уже придумали, как захватить тебя или тебя с контейнером заодно. Но если это не так или задуманное у них сорвется, тогда они подождут, пока ты доберешься до Востока. Там в Бангкоке, например, им действовать легче.

– А по пути они разве не смогут напасть на контейнер? – спросила Катика.

Шимп ощерился, как щелкунчик.

– Нет! Не смогут, если я спрячу его от них! Я окружу его такой решеткой, что они к нему и близко не сунутся. Но я не смогу защищать контейнер долго, а в их собственных владениях я и вовсе против них бессилён. Чем глубже мы будем забираться в их царство, тем легче им будет нас выследить. Да и в Сердцевине я не так уж силен – здесь у всех нас чары слабеют. Они могут найти контейнер и раньше, чем я займусь им... Так что, повторяю – первые опасности ждут здесь. Мы должны пробраться сквозь них, как угри, – вж-жж! Чтобы они потеряли наш след! Тогда мы пошлём груз в Таиланд, но не специальным рейсом. Мы запрячем его среди всяких других грузов, ты ведь это сумеешь, *joengen*? ²⁴ И хранить так будем, когда он дойдет до места. Пусть-ка они напрягут все свои силёнки и наберутся терпения, чтобы найти этот распроклятый контейнер!

– Всё это просто устроить. Грузов здесь переправляют много. Один контейнер ничего не стоит упрятать среди сотни других в трюме, а то и в брюхе самолета.

– *Jazekez*. ²⁵ Уж там-то они твой контейнер не найдут, только тебе самому туда соваться нельзя. Лучше, чтобы и устраивал всё это тоже кто-нибудь другой.

– Верно, – воскликнула Катика. – Вот и я говорила: тебе надо отправляться отдельно от груза, каким-нибудь безопасным способом.

– А что делать потом, когда мы доберемся до Таиланда?

– Вот это правильный вопрос! Там нам придётся искать корабль *тений* и стараться, чтобы он ушёл, когда они меньше всего этого ждут! – Его огромная рука впилась в мою, это была бессознательная мертвая хватка младенца, только в десятки раз сильнее. – А вот до тех пор – ха! Главная твоя задача – доставить туда груз и себя самого в целостности и безопасности. Я

²² Внутренняя энергия (голл.).

²³ Парень (голл.).

²⁴ Мальчик, юноша (голл.).

²⁵ Конечно (голл.).

нутром чую, что первый твой враг устроит тебе сюрприз. Что он там готовит тебе, я не знаю, но не пожелал бы этого даже собаке своего злейшего врага. Твоя преданность этому проекту стоит того, чтобы подвергать себя таким опасностям?

Тут бы как раз и дать геройский ответ, тут бы и выставить вперед подбородок, как подобает настоящему мужчине. Мне между тем, мягко говоря, мало улыбалась мысль о том, что по дороге на Восток меня будет преследовать какая-то безымянная мерзкая нечисть. Если же выразаться не столь мягко, то меня просто мутило от страха. Этот мир был мне чужим, и я теперь понимал, почему когда-то отказался от него. Но сейчас выхода не было. Только я знал, как важно довести этот замысел до конца. Куда важнее, чем я говорил об этом Дейву, Шимпу, даже самому себе. Только я один знал, каким неудачником на самом деле я оказался.

За последние несколько лет я вроде бы добился большого успеха, причём даже завистники и сплетники не могли обвинить меня в том, что успех этот был незаслуженным. Но по утрам, когда надо было бриться, я никак не мог заставить себя взглянуть в зеркало, и теперь это повторялось всё чаще. Из зеркала на меня смотрел бездушный холодный эгоцентрист – таким я был, когда в первый раз отважился пуститься в странствие по Спирали и все те годы, когда так скверно обращался с Джеки. Если бы я остался на Спирали, не стал бы возвращаться в свой уютный обжитой мирок, там мне, вероятно, пришлось бы стать другим. Но когда я вернулся к прежней жизни, всё пошло по привычным рельсам. А поскольку рельсы эти я прокладывал сам, мне было легко и спокойно. Прежняя моя жизнь приучила меня только к одному – добиваться успеха, делать карьеру, а во всём остальном – в области человеческих отношений, человеческих эмоций – я оставался совершенным уродом. И постоянно терпел фиаско. Короткий роман с Клэр закончился довольно быстро, хотя мы и остались вроде бы друзьями и продолжали вместе работать; об ужасах, которые мы пережили и которые по-настоящему скрепили нашу дружбу, она, по-видимому, не помнила. Были у меня за последние годы и другие связи, иногда даже начинал маячить призрак женитьбы, обзаведения семьёй, но каждый раз что-то разлаживалось. К счастью – или к сожалению?

Так что я жил один, в большем одиночестве, чем прежде, и единственное, что приносило удовлетворение, – это возможность сурово и бескомпромиссно руководить персоналом и продолжать успешно делать карьеру.

Такой проект, как этот, связанный с помощью другой стране, был редким шансом вовлечь в дело чувства, единственной терапией от болезни, так глубоко скрытой, что никто никогда её и не замечал. Отчасти, что меня слегка раздражало, заинтересованность моя в этом проекте проистекала из того, что в нём принимала участие Джеки. Но по-настоящему в помощи нуждался я сам.

Однажды, теперь уже давным-давно, я на крыльях ночи пронесся над Землей и над звездами, спеша на помощь к Клэр. Я презрел тогда опасности, одержал победу во всех битвах и вернулся вместе с Клэр. Но теперь возникла куда более сложная задача – мне предстояло спасти кого-то, кому грозила опасность другого рода, но по-своему ещё более грозная.

Тогда я отправился отыскивать ту, кому угрожала гибель. Теперь надо было искать в необъятном океане Вселенной самого себя.

– Я рискну, – сказал я.

Шимп так резко отпустил мою руку, что я чуть не опрокинулся.

– Goed dan!²⁶ – Морщины на его хмуром лице не разгладились, но я понял, что мой ответ пришёлся ему по душе. – Так что помни – действовать будешь не в одиночку. Я помогу.

– Вы? – Я не ждал этого. – Если вы и вправду так решили, тогда совсем другое дело, черт побери!

²⁶ Отлично! (голл.)

– Может быть. Ты нажил себе могучих врагов, jongetje. Дела, по которым я был здесь, окончены. Мне пора восвояси. Я пробуду с тобой, может, часть пути, а может, и до конца. Ты, – он ткнул в меня пальцем, – оплатишь мне проезд, это всё, что я с тебя возьму. И будь уверен, мы попадём на этот остров Бали до третьего мая. А тогда мне надо будет спешить к себе. – Он опечаленно поглядел на свой огородик. – Придется поторопить эти растения. Жаль.

Я посмотрел на Катику. Она казалась не менее удивлённой, чем я. Я понимал, что должен быть на седьмом небе от радости, по крайней мере хотя бы выглядеть таким. Но воспоминания о Ле Стриже умеряли мой пыл. Шимп, конечно, не был таким мерзким, но и он доказал, что может быть довольно неудобным компаньоном.

– А что будет, когда мы окажемся в Бангкоке? – спросил я.

– Мы наймём хороший корабль с опытным шкипером. Ты сможешь это оплатить? Прекрасно. Только помни – настоящим старым золотом.

– Я знаю, мне уже приходилось так расплачиваться.

– Хорошо. А потом мы двинемся на восток от восхода солнца – ха?

И такое мне уже случалось делать раньше. Тут на меня накатила волна буйной радости, так что я даже ощутил порыв попутного ветра.

– Здорово! – воскликнул я. – Но как мы найдем тех, кто нам нужен? С чего мы начнем? Я понятия не имею, кому там можно доверять.

Шимп тряхнул головой – своеобразный, характерный для жителей Востока жест, я часто наблюдал его на Востоке, но не в Индонезии. Что-то вроде кивка головой.

– Да, понимаю. Но я помогу тебе, – может, ещё до того, как мы окажемся в Бангкоке, может быть, уже там. Но прежде надо протолкнуть твой контейнер. А как это сделать? Придётся составить план.

Мы пустились в обратный путь – туда, где нас ждал Дейв, – миновали заросли и оказались на пустынных просторах железнодорожного парка. От неожиданно холодного ночного воздуха на нас напала дрожь. Я оглянулся на раскачивающиеся от ветра деревья. Кому придет в голову, что под ними кто-то скрывается? И мне подумалось о судьбе других таких же заброшенных мест в районах, бывших прежде индустриальными, – может быть, в старых штольнях Швеции до сих пор обитают тролли, а в штате Делавэр среди куч шлака из питтсбургских сталелитейных заводов дремлют духи предков. Я ничуть не усомнился, что так оно и есть и повсюду в таких местах кто-нибудь скрывается. Ибо мир, созданный нами, никогда не принадлежал целиком нам одним.

Вынырнув из дыры в проволочной изгороди, мы увидели, что Дейв, ничуть не изменив позы, так и сидит в машине.

– Ну и чутко ты спишь, – заметил я. – Не беспокоился?

– Чутко сплю? Ты что, шутишь, Стив? Когда мне было спать? Вас не было всего десять минут.

ГЛАВА 3

Через три недели я снова увидел эти деревья, только теперь я смотрел на них с другого, дальнего конца сортировочной станции, сидя на грузовой платформе. Единственные зеленые представители растительного царства, они раскачивались на ветру, словно приветствуя надвигающийся ливень. Весь этот месяц был на удивление дождлив, и сейчас молочно-белые пухлые облачка скользили на фоне огромной, темной, грозовой тучи, предвещавшей дождь. Товарный вагон медленно продвигался вперед, и большой серый контейнер на нем заслониł от меня деревья. Вагон стали переводить на запасной путь, где он должен был дожидаться, когда сформируют состав. Представитель транспортной фирмы уже бежал ко мне со своим блокнотом, чтобы завершить последние таможенные формальности.

– Здорово вы перегрузили мой контейнер, аккуратненько, – похвалил я его. – Хорошо бы, со всем нашим добром так обходились!

– Ну, если вы все свои грузы станете сами сопровождать, так и будет, – заговорщически улыбнулся он мне.

Я улыбнулся в ответ. Фирма, где он служил, имела добрую славу, потому мы и прибегли к её услугам, но всё равно его следовало поощрить.

– Понятно! Будем смотреть на этот груз как на легковоспламеняющийся или как на отравляющее вещество; значит, надо доплатить, верно? – Пряча бумажник, я небрежно спросил: – Никаких осложнений по дороге не было? Никаких странностей?

Он прищурил блестящие глазки-пуговицы.

– А что, должны были быть?

– Да нет, я просто так спросил.

Он пожал плечами.

– Всю дорогу тучи бродили, и ливануло несколько раз довольно сильно, даже погромело немного. Предсказывали-то без дождя, верно? Парень на заправочной станции сказал, что, пока меня не было, солнце светило. Видно, я им этот дождь привёз.

Я усмехнулся.

– Когда мы начнем развозить в контейнерах погоду, с тобой первым заключим договор, только мы ещё не готовы к таким перевозкам.

– Пока, значит, отступаете. Ну ладно, держите нас в курсе. Мне пора. Пока!

Я с облегчением вздохнул. Так, значит, с первым контейнером всё обошлось. Шимп не сомневался, что когда его будут доставлять с завода, об этом пронюхают, но говорил, что с грузом ничего не случится, если его повезут днём. Однако мне не понравились разговоры о дожде, и я решил доложить об этом Шимпу.

В общей сложности нам предстояло переправить около тридцати контейнеров от разных европейских поставщиков – в них должно было находиться специальное оборудование для шлюзов, управляющие сервосистемы и другие устройства, которые в Индонезии не производились. Часть контейнеров не была готова, остальные, кажется четырнадцать, пока хранились у поставщиков, но держать их там до бесконечности было нельзя.

Если за один-два месяца мы эти грузы не переправим, нам предъявят счета за неиспользованное оборудование, за зарплату служащим, вынужденным бить баклуши, придется платить за аренду, за простой, страховку – страшно даже подумать, за что! Моя-то фирма непосредственно не страдает, но виновной будут считать её. Неважно, что никто другой с этой задачей всё равно бы не справился, – такие соображения в расчёт не принимают. Следовало браться за дело быстро.

Отправлять сразу весь груз было бы неразумным риском, да и выбор судна тогда сужался, пришлось бы нанимать самое большое. Поэтому мы с Шимпом решили сначала попытаться сча-

стья с одиночным контейнером. Выставленный перед нами заслон был уникален, на поддержание этой блокады даже у всемогущих сил Спирали наверняка уходила масса энергии. Но если нам удастся прорваться в одном месте, весь заслон может рухнуть. Что будет потом, лучше не гадать, но во всяком случае на время от нас отстанут.

Поэтому, как я и ожидал, решили, что сначала будем отсылать компьютерное оборудование. Механизмы и обычную электронику, составляющие отдельный груз, в крайнем случае можно отправлять под другим названием или с вымышленным пунктом назначения. Правда, долго ли мы сможем вводить таким образом в заблуждение наших врагов, сказать трудно, но тем не менее по международным правилам компьютерное оборудование вообще подлежит строгой охране. Весь наш груз был аккуратно помещён в небольшой стандартный контейнер, снабжённый такими упаковочными средствами, что выдержал бы любые напасти, исключая разве что атомный взрыв. Его можно было отправлять любым известным человеку видом транспорта. По совету того же Шимпа решили переправлять контейнер по воздуху, при условии, что я стану передвигаться отдельно и не буду присутствовать при отправке. Самым трудным оказалось доставить контейнер в аэропорт. Решили отправлять по железной дороге, но под охраной. В душе у меня надежда на успех сменялась опасениями.

В последние недели ничего необычного не происходило – никакие ворота, ведущие в туманы Спирали, внезапно не распахивались, но меня била внутренняя дрожь: нарастало нервное напряжение. А может быть, такое состояние объяснялось приближающейся бурей.

Пока платформу с контейнером отцепляли, ко мне поспешил железнодорожник, ведающий погрузкой, – высокий энергичный пакистанец с портативным компьютером в руках.

– Вы представитель грузоотправителя? Привет! Меня зовут Джамаль Адан.

Мы пожали друг другу руки.

– Стивен Фишер. Привет!

– Господи! Сам директор-распорядитель! Ну конечно, я вас узнал, видел по телевизору, верно? Вы ещё выступали в защиту лобби железнодорожников! Здорово. Ну и сюрприз, сэр, встретить вас здесь, на скромной пересылочной станции. Я рад, конечно, но не означает ли это, что случилась какая-то неприятность?

– Решительно ничего. Между прочим, я только заместитель директора. Просто переправка этого небольшого груза представляет для меня личный интерес.

– Ну ясно, можете быть уверены, мы с него пылинки будем сдувать. – Он стал лихорадочно делать какие-то записи на мониторе компьютера.

Может быть, мы и впрямь на пороге безбумажной жизни, но без бланков и документов в деловых отношениях всё равно никуда не двинешься, даже теперь, когда на смену бумаге пришли электронные духи на жидких кристаллах.

– Вам придётся подождать, пока закончится передача груза. Так не выпить ли вам чашечку кофе у меня в конторе? Я кофе сам покупаю, так что не бойтесь, не какое-нибудь пойло.

Я оглянулся на контейнер. В конце сортировочной ещё суетилось много людей. Всё равно оттого, что я буду тут торчать, толку мало.

– Спасибо. Прекрасно, пойдёмте.

Кофе действительно был замечательный, и, сидя у шипящей газовой плитки, мы листали бесконечные отпечатанные на компьютере бланки. Я рассказал Джамалю о проекте, и он подтвердил, что наверняка бюрократия, царящая в третьем мире, доставит нам много хлопот.

– Во всяком случае, – сказал он, – начало пути будет спокойное – мы отправим вас прямым поездом из пункта А непосредственно в пункт Б. Никто вас нигде не задержит и на запасной путь не переведёт. Да такое и вообще-то редко бывает! – поспешно добавил он. – Но если уж груз особо важный – зелёная улица ему обеспечена, верно?

– Отлично! И там, в конце пути, пусть недолго болтается, а то ещё потеряем его. Расписание у нас разработано тщательно.

– Ну, у вашей фирмы иначе и не бывает, мистер Фишер. Теперь подпишите, пожалуйста, здесь и здесь. Прекрасно. Ну, вот и всё. Если вы уже покончили с кофе...

Мы направились обратно к платформам с грузами, и я решил в последний раз взглянуть на контейнер. На самом деле это, конечно, будет не последний взгляд, но здешнему распорядителю об этом знать незачем. Он усмехнулся при виде моего озабоченного лица.

– Я же вам говорю! Ни одна пылинка на него не сядет. Вот увидите!

И тут мы завернули за угол.

Контейнер мы действительно увидели сразу. Ещё бы! В сером от надвигающихся туч сумраке виден был только он – он сверкал на всю сортировочную. Джамаль, правда, не потерял дар речи, но от ярости мог повторять только два слова, будто его заклинало:

– Что это? Что это? Что это?

А я только глупо ухмылялся, не веря своим глазам. Казалось, за то короткое время, что мы отсутствовали, над контейнером потрудились целая шайка вандалов. Сверху донизу он был испещрен головоломными закорючками и знаками, нанесенными аэрозольной краской. И такими яркими, что от них глаза слезились. Не пощадили даже креплений контейнера к платформе. Мой груз устрасала теперь смесь росписей в стиле диско семидесятых годов и раскраски вагонов нью-йоркской подземки, плюс всё это смахивало ещё на причудливое малайское письмо. Я невольно стал искать свои чёрные очки.

Менеджер разразился целой тирадой на урду, и хотя я урду не знаю, но понял, что это набор изысканных проклятий. Его как будто прорвало.

– Маленькие стервецы! Я их наизнанку выверну! Кишки выпущу! Родителей надо штрафовать – не смотрят за своим отродьем! То они таскают что попало, то камни на рельсы наваливают! То в футбол гоняют под проводами высокого напряжения! Ух! Да ещё расистские лозунги на воротах ляпают, эти скинхеды! Я им... – Но тут он вспомнил обо мне. – Ох, сэр, извините, – какой позор! Но вы не беспокойтесь, не беспокойтесь. Сейчас же сообщу транспортной полиции, вызову бригаду с галлонами – да, именно с галлонами пятновыводителя! Это вас задержит не больше чем на несколько минут!

Мне с трудом удалось вставить слово.

– Нет, нет! Ничего не надо! Послушайте, я думаю, ребята здесь ни при чем...

Стив Фишер – мастер врать в глаза, не тратя ни секунды.

– Помните, я рассказывал вам о нашем проекте? Ну и, понимаете... те, кто с ним работает... несколько человек... словом, мы собрались, выпили на прощание, и они пообещали устроить нам проводы по-балийски... Так сказать, благословить нас... Я не знал, что они имеют в виду... Вот, верно, они так и благословили: пробрались сюда тихонько и устроили сюрприз...

Джамаль выглядел глубоко оскорбленным.

– Ничего себе сюрприз, – наконец проговорил он. – Ну да ладно, отмоем всё дочиста.

– Нет, нет, не нужно! – весело отмахнулся я. – Вреда ведь это ничему не принесет, мы всё равно накроём контейнер брезентом, так что только с боку будет видно, не страшно! А то они обидятся, что мы соскребли все их труды!

– Но подумайте, мистер Фишер, – взмолился, ломая руки, Джамаль, – как я могу разрешить, чтобы в моём составе ехало такое?

– Ну, по крайней мере, ничего непристойного в росписи нет.

– Откуда вы знаете? Вы разбираетесь в этих знаках?

– Нет, но если я не разбираюсь, то, вероятно, и никто не разберётся. Во всяком случае, не беспокойтесь – отвечаю за всё я, правда?

В конце концов мне удалось его успокоить.

– Хорошо хоть, что поезд ночной, – с облегчением вздохнул он, – и идёт без остановок. – Он ещё с минуту изучал отвратительное зрелище. – Значит, говорите, это благословение? Ничего себе!

– Балийское благословение, – напомнил я.

– Гм! – Казалось, он всё-таки сомневается. – Но ведь там, в Индонезии, все мусульмане? Вроде меня.

Я порылся в памяти.

– По-моему, да. Но помнится, на Бали сохранились ещё разные древние религии – буддизм, индуизм, какие-то доморощенные верования, там все вперемешку!

– Да, – согласился он, вложив в это короткое словечко много чувства. – Могу только сказать, что если, по-ихнему, это благословение, то не хотелось бы мне познакомиться с их проклятиями. Всего хорошего, сэр! – И он чуть ли не в буквальном смысле отряхнул пыль с ног.

– Нам нужно подмазать их, Дейв.

– Ясное дело. Местных парнишек следует улещивать. Как обычно?

– Письмо с извинениями. Твой секретарь получит его завтра. Но обычной бутылки шотландского виски посылать не будем, верно?

– Пожалуй. А что вместо нее?

– Не знаю даже. Кто в конторе правверный мусульманин? Джилдерим? Поговори с ним, может, он что-то посоветует.

– Нет, лучше я спрошу Рафи. Ты же знаешь Джилдерима – порекомендует какую-нибудь турецкую дрянь.

– Это точно. Эй!

Поезд вдруг ожил и пополз, будто громадная серо-коричневая гусеница. Я включил зажигание, и мы тоже медленно двинулись с места – немного впереди электровоза, но стараясь придерживаться той же скорости.

– Всё пойдет так, как твой приятель объяснял?

– Похоже. Но я на этот счёт и не беспокоился.

– Хорошо тебе. Ты не беспокоился. А я вот очень даже. По-моему, этот твой новый друг чокнутый, да они все чокнутые, и самая чокнутая – эта девица из бара! Ума не приложу, как такой разумный и трезвый человек, как ты, мог связаться с подобным сбродом? Карты, чайные листья, столоверчение – увлечения прошлого века. Кончится тем, что будешь плясать голым вокруг костра и тебя за это схватят! Воображаешь, какие будут вопли в газетах! Или тебе снесет башку эта потусторонняя шпана, что гонится за нами.

Я посмотрел на Дейва в легком замешательстве, к которому даже примешивалось восхищение. Передо мной был пример того, о чём предупреждал меня Джип и зачатки чего я сам ощущал когда-то, но во мне эти зачатки почему-то не развились. Дейв ухитрился за несколько недель, прошедших после его истерического столкновения с первыми проявлениями Спирали, полностью вычленив из них всё сверхъестественное, всё, что не было характерно для Сердцевины. То, что никак нельзя было объяснить, он попросту выкинул из головы. Всё, что случилось, превратилось в шляние по припортовым кабакам, мешочники преобразились в каких-то идиотских головорезов, скоро он про них и вовсе забудет. Я помнил, что было на первых порах со мной, как я проснулся утром после знакомства со Спиралью, чувствуя тошноту и смятение от пережитого, – этакое похмелье. Я никак не мог примириться с тем, что помнил, и потому воспоминания начали бледнеть, расплываться, растворяться в объяснениях. Но я всё-таки не смог расстаться с воспоминаниями полностью, словно предчувствуя, что нуждаюсь в них, что в них заключено нечто, крайне мне нужное, а Дейв и люди вроде него ощущают, что пережи-

тое им ничего не даёт, не приносит никакой выгоды, и поэтому отодвигают воспоминания на дальний план, а затем и вовсе избавляются от них. А я...

Осознание того, как близок я был к тому, чтобы всё забыть, сколь многого я мог лишиться, словно обдало меня холодом. Ведь я мог потерять последнюю возможность изменить свою жизнь.

Я прибавил скорость, мчась туда, куда двигался поезд, свернул вниз по боковой сельской дороге, пустой в этот поздний час. Перед нами замаячил мост. Я затормозил и вышел из машины.

– Всего хорошего, Дейв! – Я взял с заднего сиденья сверток. – Спасибо, что подвез.

– О чем говорить! И послушай, держи ухо остро среди своих придурковатых!

– Да не волнуйся ты так! – рассмеялся я. – В крайнем случае ты меня заменишь. Кроме тебя никому.

Он потряс головой.

– Только не с этим проектом! Уж лучше я подожду, когда ты займешь место Барри. Нам без тебя не обойтись, приятель! Возвращайся скорей!

Он хлопнул меня по плечу, пересел за руль, и машина с тихим урчанием двинулась с места, на прощание посигналив своим траурно звучащим клаксоном. Я смотрел вслед Дейву. Не всякому подчинённому, разделяет он ваши взгляды или нет, можно довериться в столь необычном деле. Даже не всякому другу. Но размышлять было некогда. Я перебросил свой пакет через ржавую решетку моста, перелез сам и пустился бегом вниз по высокой траве. Бежать было довольно противно – кругом валялись пластиковые бутылки, всякий мусор и кое-что похуже, но это ничуть не умеряло моего пыла.

Под комбинезоном для скалолазания на мне был обтягивающий пиратский костюм, долго провалявшийся в шкафу. Когда-то это был выходной наряд Джипа – он подарил его мне на память. Я уже успел забыть, что это за чудо: костюм был из гладкочерной материи, плотной, чуть пушистой, невероятно прочной и греющей или охлаждающей, смотря по тому, чего требовали обстоятельства. К тому же дышалось в нем легко, гораздо легче, чем в моём комбинезоне из специальной пористой ткани. Этот костюм сшит из шкуры морской лошади, объяснил Джип; я всё собирался узнать у кого-нибудь, что это за зверь такой.

С каждым шагом во мне оживали давно забытые, потускневшие впечатления и воспоминания – грохот морского боя, шум ночного леса в бурю, в памяти всплывали лица и голоса друзей. Моя фирма была от меня теперь за миллион миллионов миль. В ушах снова звучал сухой смехок Джипа, губы ощущали прикосновение губ Молл, и я видел взмахи её разящего меча. Я снова жил настоящей жизнью.

Но ни Джипа, ни Молл рядом не было. Мне страшно их не хватало. Может, я и жил сейчас полной жизнью, но уж очень был одинок. Даже Катика не захотела, а может, не смогла надолго покинуть свою таверну. Так что вершить дело предстояло мне с Шимпом. А уж если говорить о неизвестных величинах, то Шимп являлся для меня живым примером этого понятия. Он, правда, пошёл мне навстречу, но, как все колдуны, внушал опасения. Он согласился помогать мне, потому что это его устраивало, но я чувствовал: стоит мне сделать один неверный шаг, или наш проект вызовет у него вдруг подозрения, или вообще что-то ему не понравится – и он так же быстро, как согласился мне помогать, станет моим противником. Катика считала его менее могущественным, чем Ле Стриж, но я полагал, что это не совсем так. Менее злобным – может быть.

За поворотом показался поезд. Вскоре за мостом пути раздваивались и перед ними горел сигнал «Замедлить ход»: все, как предсказывал Шимп. Электровоз стал снижать скорость, и я увидел в плохо освещённой кабине машиниста, энергично говорящего что-то в микрофон. Притаившись в траве, я дал электровозу и нескольким вагонам, ползущим за ним, как змея, проехать, затем глаза мои нашли платформу с контейнером, я напрягся, кубарем скатился с

насыпи, забросил на платформу свой пакет и вспрыгнул сам. Я приземлился как раз над стыком вагонов, здорово ударился и стал отчаянно скрести руками, ища, за что схватиться. Мощные руки, не хуже подъемного крана, подхватили меня и без усилия перенесли на узкую горизонтальную площадку за контейнером. Сидящая на корточках фигура, глухо чем-то звякнув, с удовлетворенным вздохом откинулась назад. Я хмуро уставился на торчащие из карманов Шимпа и выглядывающие из его рюкзака баллончики с красками.

– На кой черт вам понадобилось уродовать контейнер? – резко спросил я.

Посмотрев на меня, Шимп глухо пророкотал:

– Подожди до полуночи, может, тогда поймешь.

– Но вы же сами требовали, черт подери, чтобы контейнер не привлекал внимания! А теперь он сразу бросается в глаза, как карнавальная колесница!

– Он не должен привлекать внимания других сил, не тебе подобных, knul, – презрительно прохрипел Шимп. – Я ещё мало его разукарил.

– А мне-то как пришлось изворачиваться с объяснениями, прямо вспомнить страшно. Как вы успели обтяпать это дело, ведь я отошёл всего на несколько минут?

Постукивание колес по рельсам слилось с тихим смешком.

– Легче легкого, jongetje! Я же пользовался моим временем!

Я промолчал и начал развязывать свой сверток. Меч, лязгнув, ударился о бок контейнера. Маленький пакет с питьём и бутербродами я отложил в сторону. Поезд всё быстрее двигался по главной магистрали и скоро должен был набрать максимальную скорость. Я поднялся и, хоть ноги мои все ещё дрожали, примерился и взмахнул мечом; блеск стали разрезал ночные тени. Шимп одобрительно посмотрел на меня.

– Отличный меч, – заметил он. – Где это ты его купил?

– Я не покупал его, что вы! Я его выиграл в обмен на боевой топор, а топор так и остался у его последнего владельца. Это был проклятый волк-пират.

– Ого! Ну, такой твари мне и топор-то было бы жалко подарить.

– А мне нисколько – я всадил топор ему в голову!

Шимп хмыкнул, и это походило на одобрение.

– О, ja? Ну тогда это, пожалуй, был выгодный обмен! А меч-то, мне думается, не волк смастерил. Он очень древний, и годы его закалили. – Но тут же в голосе Шимпа снова зазвучали скептические нотки: – Впрочем, даже самое лучшее оружие зависит от того, в чьих руках находится. А ты, парень, годишься ли ты, чтобы орудовать этой штуковиной?

Я проглотил обиду.

– Несколько лет тому назад меня учили этому, правда у меня давно не было практики. А первые уроки мне давали на Спирали, и моя учительница чуть не спустила с меня шкуру, – такое не скоро забывается. – Я размахнулся и срубил сучок с мокрой от дождя ветки, обсыпавшей нас каплями. – Ну а что вы сумеете за себя постоять, в этом я не сомневаюсь. Но одно меня действительно беспокоит...

– Что?

Я смотрел в ночную темноту. Небо было в тучах, но кое-где пробивался лунный свет.

– Меня беспокоит нападение в чисто земном понимании, – сказал я, выражаясь языком Сердцевины. – Вы предположили, что, если эта нечисть нападет на нас, мы прорвемся. Но мы оба имели в виду всякие колдовские приёмы. Однако если эти таинственные враги обладают такой громадной властью, почему бы им не использовать силы Сердцевины? Наёмных бандитов, террористов, даже какую-нибудь тайную полицию – их же полным-полно, только нанимай. И тогда мы будем выглядеть довольно нелепо – я с этим мечом против «Узи». Если только вы знаете, что это за штука.

– Ясное дело, знаю, – хладнокровно ответил Шимп. – Нет, на такое они не решатся. А если и решатся, у меня и против этого средства найдутся, да и у тебя тоже. Ты ещё не все свойства своего меча знаешь. Он проворней, чем ты думаешь, – в умелых руках, конечно.

Я проглотил и это. В чем-то он, мерзавец, был прав.

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Я видел, как моя учительница одним ударом меча рассекла пулю, выпущенную из ружья, правда ружье было кремневое и выстрел одиночный. Однако, если начнут палить из пистолетов-пулеметов типа «Узи» и «Инграм», это уже будет как струя из шланга. Думаю, ни Молл, ни Джип такому противостоять не сумели бы. – Я опять присел на корточки и обхватил колени. – Ох, как бы я хотел, чтобы кто-нибудь из них был здесь, а ещё лучше оба!

– Так твоей учительницей была Молл? – удивился Шимп.

– Ну да! Неистовая Молл Фрайт. Вижу, о ней вы наслышаны. И Джип-штурман тоже кое-чему меня научил. Я и попал на Спираль оттого, что помог ему. И как же мне их обоих не хватает!

Шимп хмыкнул.

– «Не хватает»! Да считай, это лучше, чем если бы тебя бриллиантами осыпали, – раз тебе удалось подружиться хоть на короткое время с такими героями. Да не с одним, а сразу с двумя! Даже за пределами Сердцевины многие ищут их помощи, только где уж... Это не те люди, кого встретишь, завернув за угол.

– Забавно, что вы так выразились, – засмеялся я, – но я именно так их и встретил: сначала наткнулся на Джипа, потом на Молл.

Шимп придвинулся ко мне, так что в темноте я ощутил на своем лице его дыхание. На секунду я замер – мне стало неприятно, хотя в его близости ничего угрожающего не было...

– В самом деле? – спросил он. – Неужто они прямо так взяли и объявились? И кому – такому, как ты?

– Знаю, знаю! Пустому, неполноценному! Можете не повторять! Однако мне и правда выпало такое счастье – хоть недолго, но чувствовать себя вполне полноценным!

– Ну, тебе повезло. Большинство за всю свою долгую жизнь этого не испытывают! – серьезно сказал Шимп. – Но я о другом говорю. Слушаю тебя, и становится всё занятней и занятней... И на простое совпадение не похоже. А эти твои друзья – Молл и Джип, – они никак не объяснили, зачем ты им понадобился? Не намекали, что такого они в тебе нашли?

Я задумался.

– Ну... может, и намекали... Раз или два. Только я тогда не обратил внимания, у меня были другие заботы. О чем-то и Ле Стриж бормотал, но он вечно втолковывал, что карты обо мне говорят плохо.

– Да, картам он верит, – заметил Шимп, и я впервые не услышал в его голосе высокомерия. – Ни на что другое он и внимания не обращает, разве что лбом упрется. Да, что-то во всём этом есть, о чём ты ещё не знаешь. Ну, доживешь – выяснишь.

Поезд, стуча колесами, несся в ночь, следуя своему маршруту. Небо было ещё не сумеречным, но от линии горизонта к сверкающей синеве тянулась, словно некая огромная черная рука, туча. Только в просветах между её короткими пальцами просвечивало сияние, отчего казалось, что туча покачивается над нами, подсвеченная снизу красными огнями городов, и влечёт за собой серые вуали ливней, падающих на мрачные холмы, мимо которых мы проезжали. Под тучей ветер гнал темные клочки облаков, они мчались так, будто боялись, что их догонят и выжмут досуха. Поднимавшаяся луна, подсвечивая эти облачка, превращала их в призрачные трассирующие снаряды. Они розово поблескивали, будто прикидывались живыми. Время тянулось, рельсы громыхали, мы пролетали мимо унылых маленьких станций с одинокими фигурами на плохо освещенных платформах и снова устремлялись в темноту, а все часы – и на экранах мониторов, и старомодные наручные – доказывали, что время почти не

движется. Наступила и прошла полночь, черные тучи сгрудились над головами, совсем затмив светлые края неба. Я допил кофе, посмаковал бренди, ещё сохранившийся на дне бутылки, а сэндвичи с семгой и сыром были уже давно прикончены. Холод и монотонный стук колес брали свое, внимание притуплялось, но подремать на тесной платформе было негде. Начал накрапывать дождь.

Я почувствовал, как поезд замедляет ход, но, взглянув на часы, увидел, что до конца пути времени ещё хоть отбавляй; видимо, мы приближались к очередной станции. Она пронеслась мимо – пустая, безлика: несколько фонарей, окруженных в каплях дождя мутными ореолами, отражались в мокрой платформе. Всё было недвижимо, только когда мы доехали до самого конца платформы, где под мигающим фонарем висел большой почтовый мешок, раздался глухой тяжелый стук – это автоматически сброшенный мешок упал в последний вагон нашего состава.

– Черт возьми! Впервые с тех пор, как мы тащимся на этом поезде, в него что-то погрузили, – заметил я Шимпу, который давил пальцами орехи и отправлял их в рот.

– Что погрузили? – пробормотал Шимп.

– Да большой мешок в почтовый вагон сбросили.

Шимп только хмыкнул, не проявляя никакого интереса. Но вдруг, выплюнув струйку разжеванных орехов, с трудом поднялся на ноги.

– Что ты несешь? Тут нет никакого почтового вагона! Там второй электровоз. И почту здесь не отправляют автоматически уже давным-давно!

Наши взгляды встретились. Мы разом повернулись и уставились в конец теперь уже набравшего скорость поезда.

Я различил громадный бугристый мешок, тяжело привалившийся к борту последней платформы. Он был похож на упавший с дерева подгнивший плод. Сходство это усилилось, когда на наших глазах мешок стал расползаться по краям, оттуда появились какие-то малютки, которые тут же начали продвигаться вдоль вагонов. Шимп, видно, сразу все понял.

– Kuro-i! ²⁷ Het smaakt slecht, jongen! ²⁸ – присвистнул он.

– Это ещё что?

Шимп тихо фыркнул.

– Это беда! Хочешь узнать подробнее?

– Я имел в виду, кто они – человекоподобные?

– Если не слишком придирается, можно посчитать их чем-то вроде людей. Злобные маленькие вонючки. Верные слуги наших главных противников.

– И что, по-вашему, они могут нам сделать?

Шимп смотрел на приближающихся карликов. Между нами и первыми из них оставалось всего два вагона, малявки без усилия скользили по металлическим краям платформ.

– Похоже, хотят отцепить платформу с контейнером и утащить его.

– Как такое возможно, когда поезд идет?

– Будешь стоять и рассусоливать, когда у нас из-под задницы уже тянут твой контейнер? – рявкнул Шимп. – Ну-ка лезь на контейнер, jongetje! Сейчас посмотрим, по праву ли тебе достался этот пиратский меч, – нее? Ха!

На контейнер! Легко сказать! Никаких боковых лесенок, как в фильмах, на контейнере не было, одни ребристые бока. И отрезок пути, как назло, был не самый прямой – поезд то и дело поворачивал то влево, то вправо, и при каждом повороте нас швыряло из стороны в сторону. Проворные малютки между тем подползали, будто гусеницы по веткам, и при одной мысли, что они, словно пауки, попадают мне на голову, становилось тошно. Засунув меч за

²⁷ Темные силы! (индонез.)

²⁸ Это дурно пахнет, парень! (голл.)

пояс под безопасным углом, я схватился за скользкое металлическое ребро у дверцы контейнера. Выпуклые мазки шимповской разрисовки оказались кстати, и я закинул ногу на люк. Закинул слишком высоко, поезд тряхнуло, и весь мой вес пришелся на согнутую ногу, мышцы так напряглись, что я чуть не заорал от боли. Поезд опять тряхнуло, и я, воспользовавшись этим, подтянулся и в лучших традициях альпинистов выпрямил обе ноги. Голова моя сровнялась с верхушкой контейнера, я точно крюком вцепился рукой в скользкое пластиковое покрытие и быстро вскарабкался по ребру. Не будь я скалолазом и яхтсменом, я бы ни за что не осилил этот подъем. Поезд опять сильно тряхнуло, и на секунду я почувствовал себя высоко на рее, так как мои ноги повисли над пропастью. Но тут же, весь дрожа и обливаясь потом, я забрался на крышку контейнера, вытащил меч и пополз по скользкому от дождя пластику, чтобы помочь взобраться Шимпу.

Полез напрасно – он в помощи не нуждался: быстро перебирая руками, он поднялся на контейнер с такой скоростью, что ему позавидовали бы прославленные альпинисты, и вот уже его улыбка-оскал появилась над краем контейнера. Я поднялся, балансируя, чтобы не упасть, и моля Бога, чтобы впереди не было туннелей. Я старался не слишком втягивать голову в плечи от страха перед проводами высокого напряжения. Над ними, в небе, виднелись две-три птицы, летящие за нами, будто вороны, почуявшие скорую добычу. Что-то в этих птицах было странное, но я не мог понять что.

Резкий выкрик Шимпа вернул меня к действительности.

– Господи! – Во рту у меня пересохло.

На крыше следующего за нами вагона сгрудились куго-і. Именно сгрудились – иначе не скажешь. Вереща, они влезали друг на друга, подобно лемурам, на которых сильно смахивали. Не то они и вправду были приматами в самом жутком, отвратительном варианте, не то какими-то древнегреческими демонами. Их шишковатые, похожие на большие орехи головы поражали наличием человеческих черт; выпуклые глаза тарачились на нас с маниакальным упорством. На уродцах были какие-то бесформенные мешки из грубой ткани, и все они сжимали в руках пучки стрел или копий и какие-то маленькие орудия, напоминающие каменные топоры, не более грозные с виду, чем пчелиные жала. Меня бы даже рассмешил их вид, если бы эти пучеглазые не впивались в нас таким яростным взглядом. Их наглость пробудила во мне неудержимый гнев.

– Ну что? – гаркнул я. – Не ожидали нас тут увидеть? Пошли вон! Прочь! Убирайтесь! Здесь вам делать нечего! Кыш!

Шимп одобритительно хмыкнул, вертя в руке свою дирижерскую палочку – нет, скорее, короткую дубинку. Но куго-і плевать хотели на мои предостережения. Они продолжали на нас тарачиться. Один раз они неожиданно все разом моргнули, что выглядело устрашающе. И вдруг оскалили острые, как у грызунов, зубы, черные губы оттянулись, жидкие усишки в углах ртов задергались, а уродцы разразились диким визгом. Этот писк, словно удесятеренный крысиный, прямо пригвоздил меня к месту. И тут же воздух ожил от летящих маленьких стрел и копий, и лемуры ринулись в бой.

Одно копьё я отшиб мечом, второе пролетело мимо, третье чуть щекотнуло ухо, я даже не почувствовал укола. Против таких малявок не хотелось пускать в ход меч, поэтому первого приземлившегося на нашу платформу я просто сшиб ботинком. Но эта мелкая пакость зацепилась ручонкой за край контейнера и даже не подумала падать. Зато вторая тварь повисла на моем башмаке с поразительным упорством и пыталась вонзить зубы мне в щиколотку, но Шимп обрушил свою палку на её голову, и она, визжа и кувыркаясь, полетела вниз. Шимп снова размахнулся дубинкой и легко сбросил двух следующих, но трое других, увернувшись от ударов, схватили его за ноги и повалили у самого края контейнера. Они накинута на него, размахивая копьями с каменными наконечниками, которые почему-то больше не казались смешными. Я взмахнул мечом, копьё переломилось, а их владельцы с писком попадали в

темноту. Я едва не свалился за ними следом, поскользнувшись на снующих у меня под ногами скользких, юрких и цепких маленьких уродцах.

Тут уж я отбросил все церемонии. Я рубил, сек и молотил мечом, боясь только, что ненароком отрублю что-нибудь у самого себя. Но мне удалось отбиться, не пострадав, я обернулся, ища глазами Шимпа. Тому приходилось плохо, маленькие гады кишели на нем, словно муравьи, колотя его своими каменными топориками и цепями; не успевал он отодрать от себя одну дрянью, как тут же на её место влезала другая. Я подскочил к этому муравейнику, размахивая мечом, так что Шимп получил секунду передышки и выкарабкался из-под врагов. А они тем временем набросились на меня. Шимп отскочил назад, подбросил свою дубинку, а когда поймал её, в руках у него оказался уже знакомый мне тяжелый посох. Шимп повернулся и прикоснулся тупым позолоченным концом к масляному пятну на пластиковом покрытии. Раздался глухой взрыв, шипение, и когда Шимп поднял посох, на его конце пылал огненный шар. Шимп стал размахивать посохом из стороны в сторону, и воющий вокруг нас ветер подхватывал и разносил пламя. Оно обрушивалось на гадов, и они с визгом и воем бросились врассыпную, так что я был освобожден.

– Я буду их держать на дистанции! – прокричал Шимп. – А ты рази тех, кто пробьется!

Советовать легче, чем делать. Несколько мерзких тварей уже прорвались. Один из уродцев сделал выпад цепью в мою сторону, я сшиб его вниз и увидел, что второй вложил свое тонкое копьё в какую-то выдолбленную палку, забросил палку на плечо, потом резко опустил.

Раздался щелчок, свист, и что-то впилось мне в бок. Если бы я не видел когда-то в кино, как метают копьё, я бы не успел вовремя отклониться и удар пришелся бы прямо в сердце. Мой удар мечом даже не задел мерзавца, он снова прицелился в меня, но огонь слизнул его с крыши контейнера, и он метеором полетел вниз. Меня же ударило по виску каменным топориком, пущенным откуда-то снизу; другим таким же топориком в меня запустили с другой стороны, его рукоятка больно ударила по голени. Я махал мечом налево и направо, рубил, не думая о фехтовальных правилах, молотил по этой кишашей нечисти, словно старался прогнать дурной сон, и всё боялся поскользнуться, потому что тогда в меня впилась бы сотня этих маленьких копий и топориков, что означало бы конец. Моя кровь смешалась бы с их кровью, и они растоптали бы мои останки. А что с Шимпом?

Я бросил взгляд в его сторону, и это оказалось роковой ошибкой. Твердая голова с размаху ударила меня в пах, и я чуть не свалился вниз – непременно свалился бы, если бы он точнее прицелился. Я молча согнулся и схватил дрянное создание за горло; негодяй попытался впиться зубами мне в бедро, но я отодрал его и прикрылся этим корчащимся и дрыгающим ногами убудком, как щитом, от его приятелей, а сам оперся на меч, чтобы передохнуть. Однако не тут-то было – копьё, пролетая мимо моей руки, впивались уродцу в бока, топорики стучали по его телу рядом с моими пальцами – его кровожадные родичи надеялись достать меня, а он визжал и корчился, пока я, словно дубинкой, колошматил им его собратьев, а затем швырнул мерзавца в них. Он упал между вагонами, и тело его, гулко звякая, запрыгало на железном буфере. Это как будто послужило сигналом к отступлению для остальных злобных тварей: оглядываясь через плечо, они кинулись прочь.

Пламя преследовало их, будто паутина, оно подползало тонкими нитями к тем, кто упал. Толкая и пиная друг друга, маленькие уродцы спешно отступали, а я упал на колени, стараясь отдышаться.

На мое плечо опустилась тяжелая рука; тонкий язычок пламени плясал на конце посоха, который стал гораздо короче...

– Убрались, думаю, что не надолго. Тебе не очень досталось? Нее?

Я готов был огрызнуться, но только покачал головой и, прежде чем ответить, перевел дыхание.

– Попали бы на два дюйма левее, и не играть мне больше на виолончели. А так все в порядке.

– Ты разве играешь на виолончели?

– Да нет, я просто так образно выразился. В основном отделался порезами и синяками.

Что-то мешало мне слева между ребрами, я засунул руку в изуродованный комбинезон и извлек копьё; комбинезон помешал ему войти в тело.

Шимп повертел копьё в руке и выбросил вон.

– Не отравленное! Обычно они смазывают копьё ядом, но яд могло и дождем смыть. Это, во всяком случае, безвредное. А вот укусы этих тварей – хуже змеиных!

– Приятно слышать! Я весь искусан. Ты же говорил, они вроде как человекоподобные.

– Не придирайся! Ты из рода Homo sapiens, а они – другой сорт. Ты что, думал, что человекоподобные все вроде нас?

– Да нет, я знаю. Волки, например, мутанты...

– И таких тьма тьмушая! А у этих далекие предки были кровожадными дикарями, охотниками за головами, поэтому многострадальные соседние племена объединились и загнали их подальше – в самую гущу джунглей. Там выжить трудно, ну и, наверное, от долгих лишений они делались все меньше. Но, видимо, и там все обстояло не так-то просто, и они почему-то попали с Сердцевины на Спираль. А оттуда вернулись... – он быстро нарисовал в воздухе пальцами фигурку, – уже совсем другими.

– Господи! Значит, вроде волков!

– Не такие продажные, зато дико злобные, их в узде не удержать. Если рядом с ними живут люди, эти уроды их всяко преследуют, мучить людей для них – одно удовольствие. А тем, кому они подчинены, ничего не стоит натравить kigo-i на своих врагов. – Шимп говорил без прежней уверенности, голос его звучал глухо и мрачно. Я напряг мышцы, потому что наша платформа качнулась на повороте, и тут увидел, как луна осветила соседний вагон.

– Опять ползут! – безнадежно и устало выдохнул я.

Шимп рыкнул и стал оглядывать заляпанный кровавыми следами пластик, покрывающий контейнер.

– Не видишь больше пятен бензина? Nee? Verdom! ²⁹

– Ну вот есть такое пятно... От него небось не загорится?

– Мы же в Сердцевине! Чтобы у меня что-то получилось, мне надо отталкиваться от подобного! Чтобы получить пламя, нужно что-то воспламеняющееся. Того, что здесь, мало, надо больше. Я думал использовать краску в баллонах, она хорошо горит, но баллоны-то посвятились все.

Я окинул взглядом наш контейнер.

Да, спас нас, конечно, огонь. Но должно же найтись что-то горючее!

– Вместо горючего только мокрое дерьмо, – отрезал Шимп, оглядываясь. – Готовься, jongen. Сделаем, что сможем!

И тут как из ведра полил дождь. За поворотом путей повис черно-серый занавес. Дождь, будто стальной цепью, молотил по поезду, громко шуршал на платформах с углем, барабанил по подножкам. Наши спины словно кнутом хлестало, под напором струй мы не в силах были даже распрямиться. И сквозь этот водяной занавес на нас, визжа, как бешеные, снова ринулись kigo-i!

Шимп размахивал своим посохом с такой ловкостью, что ему позавидовали бы тамбур-мажоретки. Он шибал это гоблинское отродье на лету, швырял их на рельсы, а я старался поразить мечом всех, кто успевал-таки пронырнуть под его посох. Поднимавшиеся к нам твари отступали под тяжестью валившихся на них тел их собратьев, это давало нам выигрыш во вре-

²⁹ Черт побери! (голл.)

мени. Дождь дочиста вымыл пластик, что тоже было нам на руку. Темная кровь струилась теперь по Шимповой живописи на боках контейнера.

– Водостойчивая краска! – похвалил он. – Ах вот ты как? На тебе! На тебе! Лови гада!

Гад корчился и верещал на кончике моего меча. Я высоко поднял меч, чтобы швырнуть врага вниз, и вовремя стремительно пригнулся – сверху, едва поезд повернул, на нас ринулась громадная тень. Гигантское крыло заслонило струи дождя и чуть не сшибло меня с контейнера. Это была одна из замеченных мною ещё раньше птиц, я с трудом верил своим глазам: черные перья при вспышках молний переливались всеми цветами радуги, над свирепо изогнутым клювом сверкали, словно драгоценные камни, хищные глаза. Шимп поднял пылающий посох, и чудище с хриплым карканьем, похожим на скрип мела на классной доске, только десятикратно усиленный, взмыло в небо.

– Так-то! – прорычал Шимп.

Но другие стервятники ждали своего часа: свободно и небрежно взмахивая крыльями, они неслись, не отставая от поезда.

– Ничего себе! – проорал я. – Эти пташки не меньше истребителя!

– Это гаруды!³⁰ – хрипло засмеялся Шимп. – На Спирали ещё не то увидишь!

– Уже видел! Там я ничему не удивлюсь, но здесь... откуда они здесь-то взялись? Здесь же Сердцевина!

Шимп молча воззрился на меня. Воспользовавшись этим, маленькие уродцы вновь рванулись на нас, но он быстро отразил атаку. С их стороны это был только маневр, чтобы не давать нам передышки. Главные их силы держались на позициях, удобных для метания копий. Дрожа и сверкая глазищами, они висели на стенах вагона, а к ним присоединялись все новые и новые уродцы. Первая атака была слишком скоропалительной, а эти покуда медлили и готовились обрушиться на нас, словно прибой. И они сметут нас вниз в два счета, если Шимп не добудет огня. Он же присел на корточки, глядя на птиц.

– Черт побери! Ты прав. Судя по гарудам, мы уже где-то между Сердцевинной и Спиралью! Запустить их сюда было, наверное, трудновато, но этим дьяволам в радость бить своими проклятыми крыльями!

– Так что же, нам с ними не справиться?

³⁰ Гаруда – в индуистской мифологии царь птиц, на нем ездит Будда. В буддистской интерпретации гаруды – огромные птицы, движение их крыльев порождает бурю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.